

Михаил Владимирский

Превентивная мера

18+

Михаил Владимирский

Превентивная мера

<https://litres.ru/73986314>

SelfPub; 2026

Аннотация

Геофизик Алекс прибывает на изолированную научную базу на берегу моря, находящуюся под эгидой ООН, чтобы исследовать природу таинственных энергетических всплесков. В ходе работы выясняется, что его предшественник исчез при загадочных обстоятельствах, а персонал базы что-то скрывает. Попытки докопаться до истины приводят Алекса к жесткому конфликту с руководством базы, для которого эта тема — строжайшее табу. В ходе несанкционированных ночных вылазок к месту трагедии Алекс, натывается на загадочный зонд неизвестного происхождения. За находку тут же разворачивается жестокая кулуарная борьба. Комитет ООН пытается спешно вывезти объект на большую землю для исследований. Все это разворачивается на фоне метаний Алекса между лаборанткой Лиз и метеорологом Мишель. У каждой в этой игре есть свои скрытые мотивы. Сможет ли Алекс сделать правильный выбор, когда на кону стоят его принципы в жизни, любви и науке?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	33
Глава 3	63
Глава 4	84
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Михаил Владимирский

Превентивная мера

Глава 1

– Попытка вторжения! – Рада помедлила, рассеивая избыточное тепло, – Блокировано.

Таксист-малаец бандитского вида малый отвлекся от дороги и показательно хмыкнул. Алекс, не отрывая взгляда от буйной растительности за окном, перевел коммуникатор в тихий режим. Хакерские атаки начались по прилету. Обычное дело: поймать с безалаберного турья кругленькую сумму. Впрочем, с Радой такие фокусы не проходили, о чем коммуникатор время от времени и сообщал. И таксист этот... единственный, кто согласился ехать в такую даль.

За перевалом атаки прекратились вместе с потерянной сетью.

Алекс потерял клипсу на ухе.

– Рада?

– Нет связи! – доложил коммуникатор. – Ищу доступные сети.

Неприятное чувство кольнуло сердце. Информационный голод требовал питания. Чтобы отвлечься, Алекс сосредоточился на дороге. Такси мчалось вниз. Грунтовая дорога зме-

ей ниспадала к побережью и упиралась в блестящее зеркало небольшой лагуны. С двух сторон лагуну клещами огибали скалы. Растительность на склоне практически отсутствовала: редкие пальмы, да трава в их тени. Однако, чудным образом, спала жара, что изматывала всю дорогу. Обычное лето средней полосы. Определенно, эта укромная частичка суши была раем для белого человека.

Дорога закончилась воротами КПП. Водитель лихо развернулся и затормозил.

Алекс высунулся в окно, разглядывая изменившийся ландшафт. В объездах двух сходящихся хребтов простиралась ровная глинистая поверхность. Среди построек, группами и поодиночке, клонились в сторону моря раскидистые пальмы. Дружный крен растений намекал на сильные ветра. Сейчас же погода радовала благосклонностью.

– Что, приехали?

– Добрались! – подтвердил водить, выбираясь наружу.

Пока пассажир осматривался, таксист сноровисто выгрузил вещи и укатил, напоследок сверкнув зеркалами. С легкой тревогой Алекс наблюдал, как такси взбирается по серпантину. Жизнь в пределах забора была в новинку и ассоциировалась с тюрьмой.

– Заглушен спутниковый сигнал. Внешняя сеть не доступна, – доложила Рада, подтверждая опасения.

– Что же ты хотела, запретная зона, – отозвался Алекс, вертя головой.

– Перехожу в ждущий режим, – коммуникатор затих, экономя энергию.

Алекс неспешно двинулся к сетчатому забору, разглядывая зеркальную будку КПП. Никакой активности в пределах видимости не наблюдалось. Возникла мысль: не ошибся ли водила адресом. Даже вывески нет. Лишь красное пятно кнопки вызова на заборе. Вглядываясь в «зазаборное» пространство, Алекс тронул кнопку. Тут же из будки появился охранник. Черные штаны, облепленные карманами, белая рубашка с коротким рукавом, черная кепка с эмблемой ООН, надвинутая на глаза.

– Чего?

Алекс просунул сквозь забор удостоверение:

– Я – новый сотрудник.

Охранник принял карточку. Щурясь, всмотрелся в изображение, перевел взгляд на оригинал. Вернул карточку и, бросив на ходу: «Ожидайте», вернулся в будку.

Алекс проводил стража взглядом и наткнулся на свое отражение. Молодой, стройный, с коротким светлым волосом. Сейчас выгоревшие шорты и легкая рубаха придавали вид бывалого путешественника, что мило сердцу любого романтика. Если б не забор, что сеял в душе уныние... Алекс опять обернулся на перевал, за которым осталась вольная жизнь и обнаружил знакомое такси, что спешно возвращалось.

– Чего это он! – вслух произнес Алекс. – Забыл чего?

– Верно! – неожиданно подтвердила Рада. – Во время по-

следней транзакции, предпринята попытка взлома. Согласно положению вашего банка, такая деятельность считается незаконной. Сведения о событии были переданы службе безопасности банка. Платеж отозван. Так же инициирована проверка других платежей на этот счет за полугодовой период. На период расследования счет держателя карты заблокирован.

– Ты чего творишь! – прошептал Алекс, с тревогой оглядываясь на закрытые ворота. – Он же меня пристрелит.

– Реакция на правонарушение, есть обязанность каждого добропорядочного гражданина, - изрекла Рада.

– Чтоб тебя! – Алекс принялся озираться в поисках подходящего укрытия.

– Бояться нечего. Закон на нашей стороне! – подбодрила Рада.

– Заткнись! – коротко приказал Алекс, пятясь вдоль забора. – Ни звука.

Неожиданно ворота гостеприимно распахнулись. Высунувшийся из будки охранник поманил к себе. Поправив рюкзак, Алекс суетливо ступил на территорию.

Когда-то здесь стоял курортный поселок. Десяток толстосумов организовали собственный рай. Скальная гряда гигантским забором отделяла благодатную землю от любителей гулять и дурачиться. Несколько человек охраны тихо и добросовестно хранили полуостров от незваных гостей, как с моря, так и с суши. Но радость оказалась недолгой: непо-

нятная сила в течение считанных месяцев отвалила вершителей мира. За внушительные гонорары приглашались различного рода эксперты, чтобы определить источник неприятности. Эксперты водили руками, объясняя, что разгадка находится в необозримом будущем. Для решения оной требуется что-то фундаментальное. Тогда-то здесь и возник исследовательский комплекс. Первоначально заинтересовались русские, увлекая интересом европейцев. Создали отдел при ООН. Договорились с местным принцем и несостоявшимися хозяевами. Когда появились американцы, дележка сфер влияния закончилась. Представителям свободоносной страны пришлось довольствоваться инспекторскими функциями.

– Вам во второй корпус, – буркнул охранник, указывая на ближайший коттедж. Кивнув, Алекс поспешил в указанном направлении.

Пройдя мимо вертолетной площадки, вдоль зеленой изгороди, Алекс ступил на поскрипывающее крыльцо ближайшего коттеджа. Его уже ждали: худощавый пожилой человек с аккуратно причесанными седеющими волосами пригласил внутрь.

– Джон Лоуд, координатор проекта, – представился хозяин.

Алекс назвал в ответ и получил приглашение располагаться. Скинув рюкзак, он устроился в удобном кресле для гостей. Координатор устроился напротив и принялся изучать подопечного. Ему было под шестьдесят. Классический ко-

стю старого кроя, придавал элегантности астенической фигуре. Вытянутое, в складках лицо в совокупности с неторопливой сдержанностью и внимательностью выдавало истинного англичанина. Спокойная и уверенная речь сообщала простую мысль: все под контролем.

– Как добрались? М-м-м. Имя у вас какое-то, неопределенное, – координатор наморщил лоб. – Что-то сокращенное?

Прежде подобными вопросами Алекс не задавался, собственно, как и окружающие. Алекс, да Алекс. Коротко, удобно, демократично.

– Не задумывался как-то. Назвали так. По паспорту.

– Конечно, конечно, – энергично закивал координатор.

– Не подумайте, что это предубеждение. Просто, не люблю бесполое имена. На кличку похоже.

Алекс растерянно пожал плечами:

– Воля родителей!

– Простите, если обидел, – спохватился Лоуд. – Это так, мысли вслух. К вам не относятся.

Он побарабанил желтоватыми пальцами по столу:

– Выпиваете?

– Когда припрет, – пошутил Алекс.

Координатор шутки не оценил.

– У нас много любителей, – обеспокоенно сообщил он, – особенно среди старшего поколения.

– Я не любитель, – поморщился Алекс, – просто иногда

бывает.

– Бывает, значит? – координатор поерзал в кресле. – Тут довольно специфические условия. Сорваться немудрено.

Алекс безразлично пожал плечами и выдержал проникновенный взгляд.

– В рабочее время потребление алкоголя запрещено! – наставительно произнес Лоуд.

– Без проблем, – легко согласился Алекс.

Координатор отнесся к заявлению скептически.

– Вся выпивка за ваш счет, – предупредил он, будто подобный пустяк когда-то останавливал страждущих. Чтобы не злить координатора, Алекс изобразил покорность.

Вздохнув, Лоуд полез в карман и достал небольшой чехольчик. Отлаженным движением извлек маленькую фарфоровую трубку типа «Дублин». Из другого кармашка появился мешочек с табаком. Лоуд принялся степенно набивать трубку.

– Задача лабораторий – сбор и первичная обработка данных. Интерпретация полученных результатов не в нашей компетенции.

– Как это? – не понял Алекс.

– Конечно, без собственного мнения невозможно наметить пути исследований. Суждение есть у каждого! – поддержал Лоуд, поджигая табак. – Ваши коллеги постоянно спорят между собой. Это не склочность. Это нормальный научный процесс.

Координатор принял табак и посмотрел на Алекса сквозь трубку.

– Судя по анкете, дело свое вы знаете. Так что и собственный взгляд будет.

– Обязательно! – пообещал Алекс, наблюдая, как гаснет трубка.

Лоуд подался вперед.

– Я что пытаюсь сказать: старайтесь держать свое мнение при себе. В командной игре это - проблема.

– Как же нормальный научный процесс? – усмехнулся Алекс.

– Споры есть оборотная сторона нашей жизни, – посочувствовал Лоуд. – К сожалению, не лучшая. Так что воздержитесь по возможности.

Координатор заметил потухшую трубку и разжег повторно.

– Почитайте отчеты, заметки, намеченные мероприятия. Так и втянитесь. Потеря вашего предшественника очень ощутима для нас. Александр работал с первых дней. Вы его знали?

Алекс знал. Работали в одном институте. Здоровались, пересекались по совместным проектам, а потом он уехал. С тех пор прошло больше года. А четыре дня назад Алекса вызвал директор и сообщил, что в институт пришел запрос на геофизика. Молодого, компетентного и, желательно, холостого. Вакантное место образовалось где-то в районе экватора в ре-

зультате пропажи сотрудника, которым и оказался Саня Качесов – человек, перспективный во всех отношениях. Активный строитель жизни в любых обстоятельствах.

У Алекса отношение к жизни было проще. «Выискивать шансы для подъема в высшие слои общества – есть пустая трата времени». В данном же случае по запрошенным параметрам подходил только он. Так что руководство долго не думало.

– Тебе же нравится походная жизнь? Южные страны, интересные задачи, – с оптимизмом вещал директор, развалившись в любимом кресле.

Действительно, терять было нечего. Работа приелась. Родители намекают: мол, пора обзавестись собственным жильем, да и собственная семья бы не помешала.

– Я так понимаю, командировка длительная? – уточнил Алекс, задумчиво рассматривая шикарную репродукцию Айвазовского над головой директора.

– Да, не меньше года, – погрузился руководитель. – Однако это повод обновить жизнь. Расширить горизонты познаний... – прервавшись, Станислав Борисович оглянулся на любимую картину, где всю бушевала морская стихия.

– Я бы в твоём возрасте даже не раздумывал. Уже бы паковал чемоданы. Место твоё останется за тобой. О чём ещё мечтать?

Алекс изобразил сомнение. Пусть начальство не думает, будто делает одолжение. Хотя... избавление от осточертев-

ших проектов само по себе бесценный подарок. Мыслями он уже качался на теплой волне бесконечного океана.

– Станислав Борисович, у меня два проекта незавершенных.

– Это не проблема! – энергично заверил директор. – Раскидаем по отделу твои проекты. А тебе два дня на сборы и передачу дел...

И вот перед ним обещанные горизонты. Новая жизнь. Непростая, но отличная от прежней.

– Знал! – вслух подтвердил Алекс. – Думаете, его больше нет?

Лоуд неспешно затянулся. Задумчиво пустил дым к потолку.

– В окрестностях базы его не нашли. Либо утонул, и тело унесено в море, либо сознательно прячется.

– А похищение? – предположил Алекс. Игры в прятки в столь экзотическом месте выглядели бессмыслицей.

– Безопасность у нас на уровне, – заверил координатор, поднимаясь. – Маловероятно. Местные обходят эти места стороной.

Аудиенция закончилась. Лоуд проводил Алекса до двери.

– Ступайте к коменданту. Он все устроит. Обживайтесь.

– А где же комендант? – спохватился Алекс на пороге.

– Как где? – удивился Лоуд. – В комендатуре!

Проходя мимо вертолетной площадки, Алекс замедлился, возмущенный таксист всюю качал права, активно размахи-

вая перед невозмутимым охранником, руками.

Миновав редкие насаждения молодых пальм, Алекс остановился у двухэтажного здания. Плоскую крышу венчал флагшток с голубым полотнищем. В вестибюле, за стеклянной перегородкой, скучал дежурный. Оторвавшись от монитора, он бросил вопросительный взгляд.

– К коменданту – сказал Алекс, останавливаясь.

– Второй этаж, направо, пятая дверь – произнес дежурный безо всяких эмоций и вернулся к монитору.

Комендант резко контрастировал с координатором. Выглядел нагло. Воспитание отсутствовало напрочь. Типичный невежа, уверовавший в свое превосходство. Седоватая растительность на голом черепе ежиком селилась за большими ушами. Выпирающий живот делал фигуру женоподобной. В совокупности с размашистыми движениями и скромным ростом комендант напоминал разожравшуюся мартышку.

Первым делом он отобрал Раду.

– Никаких посторонних элементов связи, – скалясь, сообщил он. – Да и зачем? Связь возможна только по спецканалу.

Алекс уныло наблюдал, как коммуникатор уложили в экранированную коробку и похоронили в ячейке огромного сейфа. Далее последовало скучное наставление о правилах пребывания. Озадаченный таким приемом, Алекс не слушал. Комендант вещал типовую ерунду, и так очевидную для мало-мальски грамотного человека. Видя, что его не слушают, быстро закончил инструктаж и отпустил. Алекс поймал

себя на том, что этот тип не представился. Да и, по правде, не хотелось знать подробности. Общаться с такими людьми, что в грязи валяться.

На выходе его поджидал здоровенный охранник:

– Ты, что ли, новенький?

– Я, – осторожно подтвердил Алекс.

– Приказано сопроводить.

Геофизическому сектору отводился коттедж под номером шесть. Свернув с мощеной дорожки, провожатый остановился у крыльца и протянул карточку от лаборатории:

– С двенадцати ночи до шести утра - комендантский час.

В это время надлежит находиться в пределах строения, – охранник извлек из нагрудного кармана пластиковую коробочку. – Держи ИУС.

– Что? – переспросил Алекс, принимая черный футляр.

– Индивидуальное Устройство Связи, – терпеливо пояснил здоровяк. – Позывной «шесть». Общение через него.

Убедившись, что подопечный все понял, охранник неспешно удалился.

База делилась на исследовательские сектора. За каждым числился штат в зависимости от программы исследований. Геофизический сектор комплектовался лишь одним специалистом. Это означало самостоятельное существование в профессии и, вытекающий из этого, производственный комфорт. Алекс вообще считал: чем больше мнений, тем дальше от истины. Как говорится, у семи нянек дитя без глазу.

Поднявшись на крыльцо, Алекс махнул карточкой. Дверь не открылась. Вместо этого голос на правильном английском поинтересовался, какой язык общения предпочитает жилец.

– Русский, – ответил Алекс, вертя головой. Встретить до-
мовой интеллект он не ожидал. – Дверь-то открой.

Щелкнул замок, освобождая дверь.

– Прошу!

Алекс оказался в просторной прихожей.

Первым делом взгляд уткнулся в лестницу, уходящую в подвал. Раскрытый проем зиял пустотой. У противоположной стены, под окном, стоял небольшой столик с тремя стульями. Два больших окна прекрасно освещали пространство. Очевидно, здесь полагалось принимать посетителей.

В соседней комнате располагалась лаборатория. Прикрытые жалюзи привносили в обстановку серость. На полках по стенам пылились приборы. Всё напоминало давно заброшенный склеп с характерным запахом тлена.

– Домовой! – позвал Алекс.

– Слушаю, хозяин.

– Открой жалюзи. Темно.

– Выполняю.

В помещение хлынул свет. Алекс по-хозяйски обошел лабораторию. Бросалась в глаза неестественная чистота и порядок. Будто и не жил тут целый год Саня, малый хозяйственный, но далекий от фанатизма. Напрашивался простой вывод: прибрались к приезду сменщика. Алекс увидел лабо-

раторный журнал, что лежал на компьютерном столе. Осторожно взял в руки. Журнал содержал календарь с датами исследуемых возмущений и план работ на следующий месяц. Последняя запись была за третье апреля. Прошло чуть больше месяца. Думать о работе категорически не хотелось. Алекс отложил журнал и продолжил обход.

Жилая часть странным образом располагалась в подвале. Всё внешнее здесь надежно отсекалось, создавая странный, тягучий уют. По сути, подвал являлся бомбоубежищем: полметра железобетона со всех сторон, автономное питание, водоснабжение. Тянул стерильным воздухом кондиционер. Всё для безопасного и комфортного существования.

Потолок, перетянутый световыми панелями, равномерно освещал две комнаты. Первая, куда вела лестница, вероятно, предназначалась для работы. Стоял здесь удобный диван, на противоположной стене находился стенд, что дублировал все системы головного компьютера. Прочие удобства были здесь же.

За звуконепроницаемой перегородкой располагалась комната на два спальных места, а также бельевой шкаф. Следов пребывания Качесова и тут не наблюдалось. Алекс попробовал кровать. По ощущениям жестковато. Но разве не это надо усталой спине. Он с наслаждением распластался на гладкой поверхности. Появилась даже мысль прикорнуть на пару часиков. Но внезапно завибрировал карман, гоня подкрадывающийся сон. Алекс нащупал дрожащую коробочку, что

дал охранник. Поспешно извлек из пластика клипсу и закрепил на ухе:

– Да?

– Это Лоуд, – сообщил ИУС, – время обеда.

– Я еще не успел сориентироваться... – начал Алекс.

– Ближайшее к пляжу строение, – перебил координатор.

– Оно там одно. Не промахнетесь.

Мощная дорожка уходила к морю, туда, где желтел песок. Чуть в стороне, на границе с пляжем, располагалось здание с мансардой, окруженное редкими пальмами. Вероятно, это и была столовая. Алекс поднялся по деревянным ступенькам и огляделся. Обширная веранда имела вид на море. Открытое пространство затеняли лианы, крепко оплетавшие пристройку. Приятное место, чтобы переждать знойный день. Координатор, словно привратник, терпеливо ожидал у дверей.

– Обед с двенадцати до часу, – сообщил он. – Просьба не опаздывать. После нас еще вспомогательный персонал.

Лоуд распахнул двустворчатую дверь, украшенную витражами:

– Прошу!

Третий внутреннего пространства столовой занимал обеденный зал. По углам теснились пластиковые столики на несколько человек. Центр на правах хозяина занимал массивный черный стол: достойный образец старой английской традиции, за которым уже рассаживались коллеги.

– Здесь мы и питаемся, – громко, словно глашатай на базарной площади, сообщил Лоуд. Присутствующие оторвались от предобеденной суеты. – Вот, господа, наш новый геофизик.

– Вместо Качесова? – как-то недовольно уточнил пожилой господин с красными прожилками на носу.

– Так точно, – подтвердил координатор и обратился уже к Алексу тоном ниже. – Ваше место номер шесть, согласно номеру лаборатории. Но, сперва... – он увлек новичка к прилавку, где за представлением наблюдал молодой смуглый парень, беззаботно улыбавшийся прибывшим. Такие относятся к работе, как к способу добыть пропитание, и не принимают ничего близко к сердцу. Даже белоснежная униформа сидела на нем небрежно. Как-то отдельно от хозяина.

«Испанец», – наконец определил Алекс.

– Я Ден! – «Испанец» указал на панель размером А – четыре, что висела на стене. – Наше Menu du joir!

Алекс представился и всмотрелся в текст. Меню было на французском и ни о чём не говорило. Быстро оценив ситуацию, Ден перевел:

– Крабовый салат, запеканка из картофельного пюре с курицей, яблочный пирог с черносливом, напитки холодные и горячие...

– Запеканку и сок! – прервал Алекс, памятуя старые наставления отца: «В сложных обстоятельствах используй простые решения. Это золотая середина между необходимостью

выполнить задачу и вероятностью пасть в конфуз».

Ден не возражал и принялся наполнять тарелки.

Заставив поднос, Алекс оглядел стол в поисках шестого номера.

– Сюда! – пришел на помощь человек, напоминавший больного, после химиотерапии. Сухой, короткостриженный, с запавшими глазами. Взгляд, словно отражение в деревенском колодце, манил, наполняя ледяной чистотой. Старомодные электронные часы на левом запястье дополняли неопределенности.

Алекс, посматривая на присутствующих, двинулся на зов. Лоуд уже устроился в торце стола и ждал, пока новичок усядется.

– Как вам это? – он с нежностью погладил полированную столешницу.

Алекс отвлекся от подноса: массив черного дерева сверкал лакированными поверхностями, резные ножки придавали сходство с мебелью средневекового замка. Вечного и незыблемого.

Конечно, антураж в виде пальм и песка совсем не гармонировал с подобным великолепием. Без шедеврального стола помещение смахивало на кабак. То, что стол появился благодаря координатору, было очевидно. Так же, как и его стремление создать рабочую атмосферу.

– Специально выписал, – с гордостью подтвердил Лоуд.

– Джон, что же вы не представили коллегу, – поинтересо-

вался болезненного вида сосед.

Координатор всплеснул руками.

– Простите! Вылетело из головы. Это ваш соотечественник. Царев Алекс. Отныне – заведующий геофизическим сектором.

– «Алекс» – что за производное. От какого имени? – подозрительно поинтересовался седовласый господин, напротив. Сильно вытянутое лицо резали глубокие морщины на щеках. Говорил доброжелательно. Таких людей никогда не хочется перебивать. Хочется слушать.

– Он по паспорту, – сообщил Лоуд. – Не придерешься.

– Что-то не так? – поинтересовался Алекс с претензией.

Озабоченность именем начинала раздражать.

– А как же, – вмешался красноносый сосед. – Имя должно звучать сообразно моменту. Прийти на раут в повседневной одежде – верх неприличия. Неподобающая форма имени – бесповоротно испорченное знакомство.

Было очевидно: престарелая парочка напротив дуркует со скуки. За полтора года перемыли друг другу косточки, а тут – свежая кровь.

– Ну, на раутах мне не бывать, – заметил Алекс. – А насчет имени – полагаюсь на ваш жизненный опыт.

– Ой, не зарекайся, – предупредил красноносый. – У каждого в жизни бывает бенефис, чаще всего на похоронах. Но, если повезет...

– Антон Степанович, – мягко укорил Лоуд. – Вы, верно

заметили: всему свой момент.

– Ваша правда, – согласился Антон Степанович. – Просто хотелось знать: Алексей или Александр.

– Точно не знаю, – признался Алекс. – Склоняюсь к Алексею: деда так звали.

Антон Степанович, памятуя о моменте, выразительно за-сопел. Мол, дожили. Скоро и родителей не вспомнят, будто куры инкубаторные. Зато болезненного вида сосед оказался вполне жизнерадостным.

– Валентин! – не прерывая трапезы, представился он. – Я здесь врачом. Понадобится – обращайся.

– Третий коттедж, – подсказала девушка за ним.

– Это моя... – Валентин с нежностью посмотрел на девушку, – помощница, Лена.

Алекс выглянул из-за Валентина и разглядел милое личико черноволосой Лены. Помощница по-свойски подмигнула.

– Обратите внимание! – спохватился Лоуд, указывая на красноногого Антона Степановича. – Напротив вас – авангард современной науки: Профессор Ершов и профессор Фаруэл. А также их очаровательная ассистентка Лиз. Можно сказать, движущая сила физического сектора.

Алекс скептически разглядывал троицу. Ассистентка, надежно зажатая профессурой, под стать руководству изучала новичка придирчивым взглядом. Легкая конопатость на лице, худая и строгая. Рыжая коса на плече, небольшая лопухость. Она больше походила на няньку в доме престарелых.

Антон Степанович навскидку разменял седьмой десяток. Выглядел закоренелым скептиком и непримиримым скандалистом. Краснеющая сетка носовых капилляров навевала мысль о частом пьянстве.

Алекс скопил глаза на Фаруэла. В противоположность Ершову, тому было интересно. На лице застыло искренняя благожелательность и любопытство. В возрасте, но явно моложе Ершова.

Алекс еще раз порадовался служебному одиночеству. Перспектива толкаться в пределах маленькой лаборатории, пусть и с громким названием, угнетала. Тяжело толкаться у общего котла, абсолютно разным людям. Конечно, мир физики настолько контрастен, что противопоставление вошло у адептов в традицию. Однако, как работать в такой атмосфере?

– А это – жемчужина нашего замечательного коллектива: госпожа Бенар! – с гордостью объявил Лоуд.

Алекс прервал раздумья и перевел взгляд. По соседству с Фаруэлом действительно блистала жемчужина. Во всех смыслах. Русые волосы, туго перехваченные в хвост, открывали стройную шею. Всё остальное то же было выше всяких похвал. Постарше профессорской ассистентки и поопытнее, но разве драгоценность ценят по возрасту. Да и влекла она чем-то другим: взглядом, жестом, мимикой. Всем тем, что объединяет понятие шарм. Свободно откинувшись на стуле, «жемчужина» вкусно потягивала какой-то сок.

– Мишель! – проворковала красавица.

Алекс кивнул в замешательстве и бросил взгляд на профессорскую ассистентку. Утверждение координатора было бестактным по отношению к другим девушкам. Вряд ли те разделяли точку зрения начальства. Как и предполагалось, Лиз посматривала на Мишель с гадливым пренебрежением. Так смотрят столичные особы на зарвавшихся провинциалок. Лена вообще глядела в стол, задумчиво покачивая стакан. Вероятно, знала на собственном опыте: «Всё, что есть, – временно».

Алекс окончательно уверился, что приехал не зря. Так сказать, закон равновесия в действии.

– Мишель у нас синоптик, – продолжил Координатор. – У вас, кстати, совместное оборудование в море.

– Метеоролог, – очаровательно улыбнувшись, поправила Мишель.

– Не спорю, – вскинул руки Лоуд. – Просто, так обозначено в таблице.

– Между прочим, совместное оборудование требует ремонта, – напомнила Мишель.

– Да! – подтвердил Лоуд. – По протоколу ремонт производится в присутствии всех заинтересованных сторон. Кстати, обратите внимание на другую заинтересованную персону. – Лоуд указал на щуплого парня, что скрывался за Леной. Участия в беседе тот не принимал. Увлеченно поглощал пищу и слушал музыку в наушниках. Заинтересованностью

там и не пахло.

– Геральд. – наши глаза во тьме неизведанного, – замысловато провозгласил Координатор.

Тяга наделять подчиненных эпитетами была понятна, но сомнительна. Обычно люди, отягощенные знанием, – снобы и циники. Благодаря природной въедливости, многое знают про себя и ближних. Compliments тут бессильны.

Услышав свое имя, парень восторженно и приветственно взмахнул рукой:

– Я Джерри. Телеметрист!

– Без него, как без электричества, – пожаловался Лоуд. – Собственно, протокол соблюдается. Можете приступать к ремонту.

– Кто вообще написал такой бредовый протокол? – неожиданно возмутился Антон Степанович. – Столько времени пропало.

– Всё, что у нас есть, оттуда. – Лоуд ткнул в потолок. – Примите как данность. А Гидрофон необходимо починить. Сегодня же...

После обеда Алекс получил неожиданный бонус: Мишель вызвалась провести экскурсию. Алекс не возражал. Если, что-то и случилось за день приятное, так это она.

Шли вдоль живой изгороди по каменной дорожке. Коттеджи стояли одним рядом, в одном стиле. Перед каждым домом зеленел газон, присутствовала скамья в тени пальм. Однако, после шестого дома, застройка пошла плотнее.

– Это гостевые домики, – пояснила Мишель. – Что-то вроде кампуса.

Десятый коттедж был последним. За ним начинался сетчатый забор, занимавший значительную территорию. Специфические устройства за забором наглядно объясняли, ради чего подвинули кампус. Алекс остановился, разглядывая мачту флюгера:

– Метеостанция, значит.

– Верно! – одобительно подтвердила Мишель.

Алекс уважительно смотрел на спутницу:

– Твоё?

Мишель насмешливо кивнула.

– Ну, а чьё же? Я умею устроиться. Теперь знаешь, где меня искать.

За площадкой поверхность круто стремилась к воде, ближе к берегу и вовсе теряясь в каменных нагромождениях. Здесь сходящиеся горные склоны образовывали маленький залив. Среди больших валунов, обглоданных беспокойной водой, ютился небольшой пляж, укрытый от посторонних глаз.

Мишель оперлась на ближайший валун.

– Это восточный пляж. Выглядит укромно, но загорать negligje не советую. Камеры повсюду.

Алекс беспокойно заозирался, но ничего не заметил, кроме бетонной коробки над головой. Встроенное в скалу сооружение возвышалось метрах в восьми над землей. Види-

мых подходов и коммуникаций не имело и выглядело от того необитаемым.

– Это охрannое сооружение, – сообщила Мишель, внимательно следившая за реакцией новичка. – Там тоже есть камера.

Алекс воровато огляделся, ощущая множественные взгляды.

– Наверное, неудобно, когда кругом камеры?

– Привыкнешь, – успокоила спутница. – К тому же, слепые зоны никто не отменял.

Пройдя между камней, они оказались на чистом побережье. Завезенный песок ярко-желтой полосой простирался до противоположного края лагуны. Большая волна его не трогала, теряясь в рифах частоколом, щетинившимся на входе в залив. Недалеко от рифов, посреди успокоившейся глади, высился буй значительных размеров. Конусное тело сверкало, как ракета на старте. Алекс замер, разглядывая футуристический вид. Он представил, как бы выглядела лагуна без этих штрихов цивилизации. Тихий пляж, солнце, перевалившее зенит, и заботливая подруга за спиной.

Алекс взглянул на Мишель, замершую рядом. Метеоролог сполна дополняла сложившуюся картину. Сложив руки на груди, смотрела за горизонт и думала о своем.

– Это южный пляж, – сообщила она, поймав его взгляд. – Я здесь бегаю по утрам. Если возникнет желание, присоединяйся.

Какое именно желание имелось в виду, Алекс уточнять не стал, заранее согласный на любые варианты. Ухмыльнувшись, он указал на буй:

– А там что?

Мишель приблизилась: "Это наше совместное оборудование. Четыре пояса гидрофонов и датчики на склоне".

Близость девушки волновала. Пусть иностранка. Пусть знакомы несколько часов. Может, так выглядит любовь с первого взгляда! Есть ли со стороны прелестницы нечто подобное? Важно не испортить момент. Напрягши волю, Алекс вернулся к работе.

– Где же сломанный?

Мишель бросила одобрителный взгляд:

– Отсюда не видать. Ближайший к эпицентру гидрофон. По схеме 1В. Завтра, с утра наведемся. Будь готов.

– Координатор вроде говорил о сегодня, – заметил Алекс, не желавший ждать так долго.

Мишель двинулась вдоль берега.

– Он погорячился. Сегодня не успеем...

Алекс пошел рядом:

– Так далеко?

– Четыре мили по воде. Недалеко, но мы ведь не на прогулку едем. Нужен запас.

Южный пляж заканчивался странной кучей песка, напоминавшей дюну. Дальше топорщились острые камни, покрытые прелой тиной. Алекс указал на песочную насыпь:

– Что за архитектурная форма?

– Выход породы, – кратко пояснила Мишель. – Портила вид прежним хозяевам. Вот и завалили песком.

Алекс вскарабкался на гору и огляделся. Между пальмами виднелась парочка обшарпанных гаражей под цвет камня, станция очистки воды, электроподстанция. В общем, подсобное хозяйство лагеря.

Мишель, не торопясь, взобралась следом. Чувственная и жизнерадостная, словно модель с рекламного проспекта.

– Техническая часть базы, – прокомментировала она. – За разъяснениями лучше обратиться к Джерри.

– Это понятно, – отмахнулся Алекс, осматриваясь. На глаза попались покосившиеся деревья. Он оглянулся на Мишель.

– Похоже, здесь сильные ветра?

Мишель шагнула к краю дюны и всмотрелась в море:

– Дожди приходят с муссонами. Самые сильные – зимой. Пока можно расслабиться.

Однако стройный контур спутницы взывал к обратному. Алекс неслышно приблизился. Мишель не шевелилась. Легкие касания ветерка трепали наспех собранные волосы. Конечно, прикосновение без повода – это клиника. Требовалось вступительное слово.

– Ты откуда родом?

Прекрасное личико спутницы тронула улыбка. Она все понимала и, похоже, не возражала.

– Из Бельгии!

Алекс вдохнул пьянящий запах волос:

– Знал бы, что в Бельгии такие красавицы, непременно побывал.

Мишель пожала плечами.

– Всякие бывают. Как везде.

– Чем не рай, – томно прошептал Алекс, сокращая дистанцию. – Если бы не пропадающие люди...

Мишель отшатнулась. Ореол неги, обволакивающий метеоролога, сдуло неожиданным порывом. От замерших глаз веяло холодом рептилии.

– Я в рай не тороплюсь. У меня и здесь полно работы.

Бельгийка сноровисто толкнула воздыхателя животом так, что тот еле удержался на ногах. Между тем Мишель наступала.

– А пропавшим, вообще, кроме ямы в земле, ничего не надо.

Алекс предусмотрительно отступил, в растерянности гадая, что взбесило прелестницу:

– Я что-то не то сказал?

Мишель отвела бешеный взгляд, пытаясь успокоиться.

– У нас эта тема – табу, – сухо объяснила она, устремляясь к воде.

– Табу? – удивился Алекс, двигаясь следом. – Мы же коллеги. Хотелось бы знать. В общих чертах.

– Причины не выяснены. Руководством решено считать,

что произошел несчастный случай, – протокольным языком пояснила Мишель.

– Опасаетесь рецидива? – усмехнулся Алекс, нагоняя спутницу.

Мишель резко обернулась. Совершенно другой человек. Без прежнего шарма и симпатии. Что-то серое, с эмоцией камня.

– Опасаемся дураков!

Ответ и без того был ёмким, но Мишель смягчилась:

– Твой предшественник нарушил ТБ. Оставайся в рамках регламента, и всё будет гладко.

Алекс погрузился: – «Вот и поговорили. Конечно, он за открытость и прямоту, но всё же, от такой девушки ожидаешь совсем другого».

– Не спеши с выводами, – посоветовала Мишель, словно читая мысли. – Со временем поймешь.

Посчитав, что вводная экскурсия закончена, Мишель направилась к столовой. Алекс пришибленно последовал за ней. На ступенях столовой Мишель вспомнила о новичке. Дежурно пожелала удачи и скрылась внутри, еще больше усугубив уныние. Алексу ничего не оставалось, как вернуться в лабораторию.

Методика исследования электромагнитных всплесков опиралась на гидрофоны, установленные поясами между лагерем и вероятным эпицентром. Данные с датчиков поступали в лабораторию, где подвергались всестороннему анализу.

С их помощью, в свое время, определили основные параметры волн. Но дальнейших открытий не последовало. Система нарабатывала статистику по всплескам и, конечно, использовалась как сигнализация.

Наскоро ознакомившись с системой, Алекс запустил проверку гидрофонов. Монитор отражал карту расположения датчиков и их состояние. В постоянной работе находилось шесть групп датчиков. Четыре группы веером располагались в море. Группа номер один находилась рядом с эпицентром. Группа номер шесть базировалась на хребте, что пролегал между базой и остальным миром. Датчик, обозначенный как «1В», не отзывался. Вероятно, это и было совместное оборудование, требующее ремонта. Алекс прикинул расстояние: семь с половиной километров от берега. Около тридцати секунд на поиск укрытия с момента срабатывания сигнализации.

Внезапно нахлынула усталость. Сказывалась быстрая смена меридианов и долгая тряска в машине. Захватив лабораторный журнал, Алекс переместился в прохладный подвал. Улегшись на диван, принялся читать скудную информацию, оставленную Качесовым. И неожиданно сделал для себя открытие. Дата исчезновения Качесова, совпадала с датой электромагнитного шторма. Связь между этими событиями была очевидна. Непонятно, почему Мишель не помянула об этом.

Глава 2

– Время, хозяин! – деликатно напомнил домовой, вырывая из сна. Алекс открыл глаза. В сумерках светлел открытый люк. Алекс пошевелился, приходя в себя. Его сморило еще засветло. Ненавязчиво мягко оторвало от чтения и забросило в статичную среду, лишённую снов.

Он сел.

– Сколько времени?

– Семь тринадцать, – сообщил домовой.

– Утро? – не поверил Алекс.

– Верно, – подтвердил домовой.

– Свет! – приказал Алекс, сползая с кровати. Пластик на потолке затлел мягким светом, постепенно увеличивая яркость. Алекс тер глаза. Выходило – он проспал больше одиннадцати часов. А вчера казалось, что спать в подвале невыносимо. В любом случае, он чувствовал себя намного лучше.

Сполоснув лицо, он поднялся на поверхность. Восходящее солнце бережно грело кожу. Утренний бриз манил, свежим запахом моря. Сбежав по бетонным ступенькам, Алекс ступил на пляж. Прежние жильцы не поскупились на благоустройство, выгрузив на каменистый берег не одну баржу песка. Вдали штормило море. Упрямо бросалось на коралловые рифы, чтобы добраться до берега легкой волной.

Недалеко от лестницы, в окружении пальм Алекс обна-

ружил овал пляжной беседки, незамеченной во время вчерашней прогулки. Стальные опоры подпирали пластиковую крышу. Лианы оплетали конструкцию со всех сторон, даря посетителям укрытие от солнца и посторонних взглядов.

Оставив обувь в беседке, Алекс приблизился к полосе мокрого песка и с наслаждением вдохнул влажное утро. Теплые волны, щекоча ступни, призывно манили в свои объятия.

– Как вода? – спросили позади. Вздвогнув от неожиданности, Алекс обернулся. Мишель, учащенно дыша, разглядывала его, словно фитнес-тренер, решающий, по какой программе направить подопечного. Стройное тело, облаченное в спортивный костюм, парило в прохладе утра.

– Еще не пробовал, – откликнулся Алекс. Похоже, метеоролог прибывала в хорошем настроении.

– Собираешься?

– Возможно завтра.

– Окей. Не забудь, в десять выезд.

– Не забуду. От меня что-нибудь требуется?

– Только присутствие. – Мишель бесшумно сорвалась с места. Алекс любовался на убегающую красоту. Тянуло догнать и бежать рядом, беседуя о всякой ерунде. Придется начать пробежки.

Лагерь оживал с восьми часов. Лениво шли по периметру охранники. В столовой принимался за работу кок – француз, попутно гоня помощника. Научный штат что-либо делать

не торопился. Кто работал по ночам и отсыпался, кто просто любил поспать. После восьми с Алексом связался Лоуд и напомнил о работе:

– Наряд-допуск оформила Мишель, вам отправлена копия. Там же целевой инструктаж. Ознакомьтесь и оставьте отметку.

«Зачем? – безразлично подумал Алекс, – разве что для проформы». Однако энергично заверил начальство, что займется столь важным делом немедленно.

Лоуд дал отбой, и Алекс нехотя полез в компьютер. Папка «разрешения и допуски» содержала наряды на производство работ и экспериментов. Последним в списке значился наряд-допуск на производство ремонтных работ морского снаряда «1В», ответственный: Бенар М., исполнители: Вудворт Г., Царев А.

Ради интереса Алекс глянул предпоследний документ. Всё то же. Ремонтные работы на «1В». Только вместо него Качесов А. Совпадение или нечто большее? При случае следовало расспросить Мишель.

По расписанию завтрак научного персонала длился с половины девятого до девяти. Мишель уже находилась в столовой и скоро расправлялась с булочкой.

– Давай быстрее, мы почти закончили, – поторопила она. Третий член группы, с затычками в ушах, как и вчера, увлеченно поедал бутерброд. Был глух, нем и слеп к окружающему миру.

Валентин с Леной вели приватную беседу. Перешептывались, не обращая на присутствующих внимания. Больничный корпус начинал работу с девяти. Строго по расписанию. Поэтому врачи отличались хронической собранностью в стремлении выкроить время для себя. Остальные отсутствовали. Кто принципиально не завтракал, кто дрых. На такие моменты здесь просто не обращали внимания. Исследование – процесс творческий, каждый добивается результата, как может. Конечно, в пределах поставленной задачи.

Отойдя от стойки с подносом, Алекс остановился в нерешительности. То, что его усадили распоряжением координатора, раздражало. Мол, дали место и сиди, как собака у конуры. Между тем, более удобный торец стола вообще пустовал. Ещё и находился по соседству с Мишель. Решившись, Алекс, молча разгрузил поднос и, зацепив ближайшую пластиковую табуретку, уселся между подельниками.

Мишель смотрела с удивлением. Джерри тоже отвлекся и издал понимающий смешок.

– Что-то не так? – с вызовом поинтересовался Алекс.

– Вообще, это место забронировано, – дружелюбно пояснил телеметрист. – Для важных гостей.

– Уступим, если важные гости объявятся, – заверил Алекс.

Мишель в разговоре не участвовала, но сложилось впечатление, что бунт против системы ей по душе.

– У нас мало времени, – напомнила она, складывая грязь-

ную посуду на поднос. – Жду у эллинга.

– Будем в срок, моя радость, – ответил Джерри набитым ртом. Мишель посмотрела на Алекса, возможно ожидая комментариев. Но Алекс послушно кивнул, и Мишель молча вышла.

Поспешно прожевав, Джерри придвинулся к Алексу:

– Какая конфетка! Всё бы отдал за такую.

– И как успехи? – заинтересовался Алекс.

– Объект сложный, – посетовал телеметрист. – Порой кажется, что уже в руках: обними и всё. А она как солнечный зайчик. Как ни лови, всё на свободе.

– Может, у неё кто-то есть? – предположил Алекс.

– В связях не замечена, – понизив голос, доложил телеметрист. – С коллегами вежлива и холодна.

– Прямо спросить не пробовал?

– Опасаюсь, – признался Джерри. – Взгляд у нее... будто хочет тебе что-то оторвать и выбирает, что именно.

Описание взгляда было знакомо. Именно так смотрела Мишель, когда он интересовался Качесовым. Может, в этом что-то личное. Алекс непроизвольно подался к телеметристу:

– Слушай, как у нее с Качесовым?

Джерри отбросил наушник и посмотрел на врачей. Те были заняты собой.

– Там все мутно, – ёмко сообщил он, поднимаясь.

Эллингом оказался один из гаражей за комендатурой, что

стоял ближе к воде. Мишель копалась внутри, готовя к запуску не какую-то лодку, а гибридный экраноплан. Изумленный Алекс замер в проеме. На такой машине он не работал, но знал. По паспорту машина значилась Передвижной Лабораторной Установкой, сокращённо ПЛУ. Если ласково, то «ПЛУшка». Технический бриллиант имел шасси от колесного вездехода, электрическую тягу и герметичную кабину. Машина прекрасно перемещалась по болотам и песку. По воде же она попросту летала.

Пока Алекс любовался механическим совершенством, появился Джерри с объемным кейсом. Поставив ящик на песок, он встряхнул руки.

– Тяжелый.

Алекс отвлекся от ПЛУшки:

– Чего не сказал? Помог бы.

Джерри не ответил. Уловив восхищенный взгляд новичка, с любовью погладил матовый фюзеляж:

– Какова красавица. Работал на такой?

Алекс мотнул головой:

– Не довелось.

Тем временем, бортовой компьютер дал добро. Мишель, поддав тяги, выкатила зверя на свет.

– Поехали уже! – поторопила она.

Алекс помог телеметристу уложить ящик в кабину и забрался на крыло.

ПЛУшка, не торопясь, откатилась к берегу. Обогнув дю-

ну, шумно плюхнулась в воду. Мишель переключилась в режим полета, и машина, подобрав шасси, устремилась к выходу из лагуны.

Джерри, указал на квадрат поплавковых электростанций впереди:

– Вот моя основная забота. Что-то с ними не так. Извели, сволочи. Не одно, так другое. А гидрофоны – приятная мелочь. Одно и то же, пару раз в месяц. Просто праздник...

Проход в море открывался лишь по правой скале. В частоколе рифов, что скалился на выходе из лагуны, здесь зияла прореха. Вспугнув парочку бакланов, они вошли в зону прибоя. Мишель включила форсаж и машина, загудев, поднялась над волной.

Водяная пыль влетала в распахнутый фонарь, приятно обволакивая тело. Джерри жизнерадостно крутил башкой. Мишель сосредоточенно смотрела вдаль, изредка протирая защитные очки. Буй второй группы остался позади вместе с темнеющей полоской берега. Впереди маленькой точкой бликовал на волне «1В».

За сотню метров от объекта Мишель сбавила ход. ПЛУшка, шумно испарывая волну, подошла к одинокому исполину и уткнулась в позеленевшее тело. Буй недовольно заскрипел тросами. Алекс закрепил кормовой на магнитной присоске и оглядел сооружение. Из воды навверх уходила лестница, которую пересекали две смотровые площадки, охватывающие буй по периметру.

Джерри сосредоточенно уцепился за лестницу:

– Ну что, двинули, – здесь все зависело от него.

Мишель закрепила носовой и, прикрыв фонарь, последовала за телеметристом.

Алекс добрался до первой площадки и огляделся – красотища! Четыре метра высоты, приятный ветерок, размеренное покачивание создавали ощущение полета. Буй оказался примитивным до гениальности. Ничего лишнего. Телеметрист отстегнул защелки технологического люка и сунулся в безжизненное нутро. Потянуло горелой пластмассой. Джерри обнажил диагностический разъем и подключился.

– Сигнальный датчик погорел! – сообщил он, высовываясь из железного чрева. – И питания нет. «Минус» от корпуса отвалился.

– Вибрация, – предположил Алекс.

– Или молния, – добавила Мишель.

– Нужен 525-й датчик. Найдешь? – попросил Джерри.

Алекс спустился к ПЛУшке. В кейсе отыскал датчик с нужной маркировкой и вернулся к Джерри. Тот покрутил датчик в руке и скрылся в люке.

Мишель за это время переместилась на верхнюю палубу и смотрела сквозь очки на море. Ремонт гидрофона ее не интересовал, что было странно.

Джерри выбрался из люка, абсолютно мокрый от пота.

– Чувствую себя килькой в консервной банке, – признался он.

– Все нормально? – спросил Алекс.

– Надо диагностику провести, – Джерри взялся за прибор.

– За что люблю гидрофоны, так это за предсказуемость. Пять минут и готово.

С минуту он наблюдал за показаниями, потом довольно кивнул.

– Слушай, сбегай наверх, сигнальный огонь проверь.

Алекс поднялся на верхнюю площадку и с восторгом вдохнул влажный воздух. Здесь все напоминало палубу корабля. Ощущалась значительная качка, сопряженная с крепким ветерком. Алекс подлез к небольшой мачте, на которой крепился фонарь. Фонарь работал.

– Здесь все нормально! – крикнул он сверху.

Джерри закрыл люк и начал осторожно спускаться.

Алекс спрыгнул на палубу и обтер руки о шорты. Мишель, облокотившись на перила, любовалась белесым горизонтом.

Алекс нерешительно приблизился:

– Сколько отсюда до эпицентра?

– Около восьми километров, – ответила Мишель, не оборачиваясь.

– Ого, больше чем до базы. Чего ж ближе не поставили?

– Ставили. Только проку... горели сразу. – Мишель хлопнула рукой по рейлингу. Железо, обиженно загудело. – Этот раз в месяц приходится чинить. У тех, что ближе, вообще шансов нет.

Алекс посмотрел вдаль, где за плотным маревом скрыва-

лось невидимое жерло гигантской пушки, плюющей энергией.

– Как ты себе представляешь источник?

Мишель усмехнулась:

– Даже профессура не представляет. Куда уж мне.

Метеоролог была в хорошем настроении. Алекс ухватился за рейлинг:

– На что же фантазия?

– С фантазией тяжело. Я ведь не журналист, – Мишель загнулась, подбирая слова. – Есть некое явление, наделенное рядом свойств. Я вижу точечный источник, пульсирующей природы. В моем представлении это серия надводных взрывов. Механизм их возникновения для меня не так важен.

– А для других?

Мишель махнула рукой:

– Там все сложно. Ершов утверждает про квантовую гравитацию. Фаруэл – про высокочастотные контуры космического магнитного потока. Дескать, притягивает их земля, а те и взрываются в низкочастотной среде атмосферы.

– Однако, завидная систематичность у этих взрывов, – заметил Алекс. – Прямо намек на искусственность.

Мишель безразлично пожала плечами:

– Если оглядеться, наша планета тоже живет по системе. Как известно, споры о геогинезе ни к чему не привели.

Внизу раздался всплеск. Алекс перегнулся через перила. На спокойной волне, блаженно улыбаясь, распластался

Джерри.

– Благодать! – заорал он, заметив Алекса. – Спускайтесь.

Алекс глянул на Мишель. Та не реагировала на крики. Как-то казалось, думала о своем или ждала чего-то. Явно не околону-учных бесед посреди Южно-Китайского моря.

Алекс сменил тему:

– Красиво здесь. Можно пикники устраивать по выход-ным.

– Можно, – согласилась Мишель. – Только оборудование положено использовать по назначению.

– Возможно, это оборудование двойного назначения, – легкомысленно возразил Алекс. – Места лучше не придум-ать.

Мишель приподняла очки и окинула надменным взгля-дом:

– Смотря для чего.

Алекс вовремя удержался от банальности, вспомнив утренний разговор с Джерри. Что если, услышав низкосорт-ную галиматью, прелестница тут же определит нового уха-жера к отряду недоумков. И прощайте, мечты о прекрасном. В такой ситуации стоило промолчать. Не дождавшись репли-ки, Мишель вернула очки на место и выпрямилась:

– Пойдем. Искупаемся на дорожку, – она легко устремил-ась вниз и, похоже, в хорошем расположении.

Алекс напоследок огляделся и начал спуск, но вдруг шаль-ная мысль впрыснула адреналину в кровь. Он перебрался че-

рез рейлинг и, примерившись, сиганул вниз, в полёте огибая нижнюю палубу. Как в детстве, с высокой скалы. Потом было стремительное погружение в темноту и медленное всплытие к свету.

– У тебя не все дома, – мрачно заключил Джерри, когда он вынырнул. – Предупреждать надо.

Мишель, задрав на лоб очки, смотрела с интересом.

– Здорово! – воскликнул Алекс в ответ, подплывая к машине.

– Отжаться не забудь, – благожелательно посоветовала Мишель, смахивая с лица брызги.

На базу вернулись ближе к ужину. Мишель высадила спутников у эллинга и принялась маневрировать ПЛУшкой.

– Есть хочется ужасно, – признался Алекс.

В ответ телеметрист почесал живот.

– Тут два варианта: ждать ужина, либо попрошайничать на кухне.

– Ну, и? – поторопил Алекс, уловив в интонации телеметриста подвох.

– Тут опять два варианта: если Филипп в настроении – жратва найдется, если нет – что бывает чаще... и вообще, он меня недолюбливает. На этот случай у меня НЗ в холодильнике. Пойдем, если хочешь.

Алекс не возражал.

Жилые лаборатории, строились одинаково. Поэтому убранство четвертого коттеджа не удивляло. Всё та же свет-

лая прихожая. Стол у противоположной стены, но грязновато. Сразу видно: живет одиночка и не парится о порядке.

Джерри достал из холодильника сублимированную пиццу и занялся ее восстановлением. Коротая время, Алекс заглянул в лабораторию. В данном случае это была аппаратная. Рядами теснились мониторы в несколько уровней. Здесь отслеживалась вся жизнедеятельность базы: энергостанция, насосы, внутренняя связь и прочее. Множество датчиков посылали импульсы, информируя и предупреждая всеми возможными способами. Электронная кутерьма напоминала диспетчерскую крупного транспортного узла.

«Как же он за этим всем следит, да еще обслуживает?» – с уважением думал Алекс, мысленно прикидывая на Джерри форму диспетчера. Было совестно, за снисходительное отношение к этому «простачку».

В лабораторию заглянул Джерри:

– У меня все готово.

На столе уже красовалась расчлененная пицца.

– Откуда ж такое богатство? – поинтересовался Алекс, глотая слюну. – В меню такого ведь нет.

Джерри откусил значительный кусок.

– Так с продуктами привозят. Я Филиппу по сети заказываю. Он вынужден принимать заказ. А устно – ни-ни. – Джерри запил доеденный ломоть соком и принялся за второй.

– Вообще эту французскую кухню не терплю. Попробую и

сразу в сортир. Организм такой. Валентин так и сказал: пищевая непереносимость. Ферменты какие-то. В общем, посоветовал блюда попроще.

– Типа чипсов, – пошутил Алекс, расправляясь со своей долей.

– Вот и нет, – серьезно ответил Джерри. – Жареное и жирное, тоже запретил. А чипсы вообще обозвал сушеным дерьмом.

Пицца была уничтожена и обильно запита соком. Жизнь налаживалась.

– Ты здесь давно? – спросил Алекс, отваливаясь на спинку.

Джерри, лениво перегнувшись через спинку стула, отправил тарелку в раковину:

– С начала.

– Не надоело?

– Честно признаться, везде надоело. Кругом одно и то же. Деньги, машины, статус, родня... а здесь по-другому. Пусть немного, но всё же.

– По-другому это как?

Телеметрист задумчиво смёл крошки со стола:

– Здесь нет давления общества. Я никому не должен, и мне не должны. Общество благодарно мне за труды, а я обществу, за то, что держится на расстоянии.

Внешний примитивизм телеметриста все больше казался напускным. Отчаянная попытка чувствительного человека

избежать агрессивных объятий цивилизации.

– Как же одиночество?

– Одиночество не зависит от количества находящихся рядом индивидов, – философски заметил телеметрист. – Одиночество – это личная заслуга. Тут все такие.

– Прямо все? – не поверил Алекс.

– Кто же еще бросит семью и успешное дело, – печально усмехнулся Джерри. – Тот, у кого этого нет. Для стариков это возможность спокойно поработать. Для особо амбициозных – сделать карьеру. А большинству – возможность сбежать от действительности.

– Мишель не похожа на бегущую от трудностей, – возразил Алекс, вспоминая решительную прелестницу.

– Согласен, не похожа. – Джерри нервно поерзал на стуле. – Либо мы чего-то о ней не знаем, либо она исключение из правил.

– А Качесов?

Телеметрист задумался:

– Саня делал карьеру. На пару с Лиз.

– Каким же образом?

Джерри задумчиво почесал макушку:

– Я не интересовался. Полагаю, планировалось сенсационное открытие. По этому поводу были трения с руководством. Лучше спросить у Лиз.

– Мне намекнули, что эта тема – табу, – признался Алекс.

– Скорее мировое соглашение, – рассудил Джерри. – Афи-

шировать тупик в исследованиях не в наших интересах.

Алекс вышел от телеметриста уже в сумерках. С горы приятно тянуло прохладой, а в темнеющем небе разгорались звезды. Разговор с Джерри напустил туману на казавшиеся ясными события. Для успешной деятельности следовало поскорее овладеть ситуацией.

Проходя мимо пятого коттеджа, Алекс заметил одного из физиков. Фаруэл стоял на террасе и любовался рдеющим горизонтом. Поначалу Алекс хотел пройти мимо, но, всё же, сделал усилие. Исследования есть дело коллективное. Связи со смежниками надо налаживать.

– Не помешаю?

– Что ты, прошу, – обрадовался Фаруэл.

С первого взгляда в Фаруэле просматривался интеллигент. Спокойный, образованный, не выставляющий свое мнение во главе прочих. Не в пример Ершову, что всё время дергался, ругался, пытаюсь доказать этому миру, что его правда, последняя, в сложной цепи эволюции.

Алекс поднялся по деревянным ступенькам. Облокотился на перила рядом с профессором.

– Люблю здешний закат, – признался физик. – Смотрел бы и смотрел. Бар только мешает. Просил Лоуда переселить в домик для гостей. Вид оттуда... Так нет, прикрывается инструкциями.

– Возможно, он беспокоится, что красоты не дадут вам продуктивно работать, – предположил Алекс.

– Наблюдая за природой, человек, рано или поздно, находит ответы, – возразил Фаруэл. – По сути, физика есть система наблюдения за гениальностью природы.

Физик запнулся:

– Однако, что это я. К нам по делу, или это визит вежливости?

– Навожу мосты.

– Дело хорошее, – одобрил англичанин.

– Антон, ты закончил? – неожиданно крикнул он в темноту проёма.

– На сегодня да, – откликнулся Ершов, показываясь в проеме. Выглядел он благодушно и вроде даже был рад гостю. – И, знаете, что, не отметить ли нам пополнение рядов?

– Вообще-то вы не закончили таблицу, – сварливо напомнила вышедшая следом Лиз.

– Видишь, у нас гость, – попытался оправдаться Ершов. – Считай, одно дело делаем.

– Типа, работа не волк, в лес не сбежит, – укоризненно произнесла Лиз и скрылась в лаборатории, бросив недовольный взгляд. Указывать начальству было не в ее власти. На Алекса она вообще не посмотрела, считая это ниже своего достоинства.

С наступлением сумерек столовая претерпевала метаморфозу, превращаясь в бар. На веранде появлялись пластиковые столики на четыре персоны. Играла спокойная музыка. Тлела подсветка, делая обстановку более уютной. Объясня-

лось все просто: Филипп шел отдыхать, за главного оставался Ден, меняющий обстановку, согласно своим представлениям о вечернем отдыхе.

Других посетителей не было. Дождавшись, когда физики рассядутся, Алекс плюхнулся на свободный стул.

– Какое? – спросил Ершов у коллеги, пока тот устраивался.

Фаруэл поманил бармена:

– Давай полусладкое.

– Полусладкое? – усомнился Ершов, – может коньяк?

– Я так не могу, давай постепенно, – взмолился англичанин.

Алекс опасливо посмотрел по сторонам:

– Вообще-то, координатор предупреждал насчет пьянки.

– Он всех предупреждает, – отмахнулся Ершов. – Работа у него такая.

– Рабочее время на сегодня истекло, – подтвердил Фаруэл.

– Мы вольны делать, что вздумается.

– Между прочим, у нашего Координатора неплохой запас скотча, – по секрету сообщил Ершов. – По крайней мере, был неделю назад.

Ден принес бутылку, и Ершов возбужденно наполнил бокалы. Возникло подозрение, что старик на крыльце радовался не гостю, а возможности утолить алкогольную жажду.

– Всему свое время, – замысловато провозгласил Антон Степанович. – С прибытием.

Они чокнулись и пригубили. Вино было настоящим, без привкуса химии, и приятно зажгло пищевод.

Фаруэл отставил полупустой бокал.

– Мы с Антоном собираемся иногда. Здесь единственное место, где можно сменить тему разговора.

– Какие же темы? – поинтересовался Алекс.

– Темы разные, но все они ведут к разговорам о работе, – вклинился Ершов.

– Да, иногда посиделки генерируют идеи, – подтвердил Фаруэл.

– Наши посиделки – это генерирование бреда в надежде отыскать идею, – тут же возразил Ершов. – Напомни, что дельного ты сгенерировал за последний год?

Вместо ответа англичанин ухватил бокал:

– Коллеги, а давайте выпьем за возможности. Человек живет надеждой познать новое. Раскрыть однажды глаза и УВИДЕТЬ. Зачем отказываться от такой малости?

Бокалы опустели. Ершов принялся наполнять их по новой. А у столика возник услужливый Ден с новой бутылкой.

Стало понятно, почему координатор чуть ли не с порога заговорил о пьянстве. Пока посиделки не превратились в заурядную попойку, Алекс поинтересовался о перспективах проекта.

– Гиблое дело, – заключил Ершов. – Параметры волн, локализация – это, конечно, хорошо. Но механизмы... Почему никто не интересуется механизмами? – он с недоумением

уоставился на пустой бокал. – И почему не налито?

Фаруэл принялся поспешно разливать вино.

Ершов довольно ухватил наполненную емкость.

– По сути, наши функции свели до уровня интеллектуального датчика: опознал структуру волны, измерил, записал. Опознал, измерил, записал, а что дальше? Выводы – не наше дело. А, хрен... – Антон Семенович отправил в потолок неприличный жест.

Алекс незаметно отодвинулся: «Старика, конечно, развезло, однако возмущение его справедливо. Для чего приглашать квалифицированные кадры, если поставленная задача уровня лаборанта».

– Мы что-то прохлопали. И прохлопали хорошо, – вещал Ершов. – Под носом высвобождается энергия мощностью со средний ураган, а у нас – ничего: ни сейсмической, ни атмосферной активности. А так не бывает. На все есть причина.

– А смежники что? – спросил Алекс тактично молчащего англичанина.

– Какие смежники? – не понял Фаруэл.

– Метеоролог, например.

– Нет никаких смежников, – категорично заявил Ершов.

– Всё это подсобное хозяйство.

Он опрокинул в себя очередную порцию алкоголя и громко хлопнул бокалом о стол.

– Ну, прислали смазливую девчущку, и что? Откровения с того на нас не посыпались.

– Может они посыпались на нее, – предположил Алекс. – Вы не интересовались?

Ершов молча погрозил пальцем и закрутил головой, кого-то выискивая.

– Антон Степанович – максималист, – пояснил Фаруэл, используя возникшую паузу.

– Право, все не так плохо.

– Наука – наша прерогатива, – упрямо произнес Ершов.

– Сами же сказали. Для головного института мы все – подсобное хозяйство, – напомнил Алекс.

– Опять ты, – вскинулся Ершов. – Пусть считают, что угодно. Не будем прикрываться тупостью других. Отвечать надо за себя.

– Что за крики? – поинтересовался Валентин, возникший за спиной Фаруэла.

– Ну, наконец-то! – повеселел Ершов, ослабляясь. – Новоселье празднуем.

– Ах, вон что! – Валентин без промедления бухнулся на свободный стул:

– Тогда – хересу!

– Бутылку? – уточнил внимательный Ден.

– Разумеется. – Валентин по-хозяйски раздвинул пустую посуду.

– Вообще-то, мы пьем боне. – Предупредил Фаруэл, тщательно обдумывая слова.

– Заметно, – усмехнулся Валентин. – Но мне показалось,

вы собирались перейти на более крепкую субстанцию.

– Правильно, Валя, – одобрил Ершов. На щеках у него проступил румянец, а прожилки на носу стали еще ярче.

Бармен принес бутылку, и Валентин ловко наполнил посуду.

– Ден, любезный, какую-нибудь закуску, – попросил Фаруэл, приподнимаясь, но покачнулся и поспешно присел. – Никак не привыкну к вашим объемам, – попенял он, – так ведь можно спиться ...

Ершов сочувственно похлопал коллегу по плечу.

– Это многолетняя практика... да, – сладко протянул он, вспоминая те самые годы.

Алкоголь начал действовать и Алекс, наконец, расслабился. Люди казались более душевными, чем на первый взгляд. Оказалось, надо всего лишь убрать барьеры и ступить в открывшуюся сказку.

– Как протекает акклиматизация? – между делом осведомился Валентин.

Алекс вспомнил Радугу, запираемую в сейф. До сих пор они не расставались. Максимум на ночь, а тут безапелляционно забрали на долгие годы... а что взамен? Тупое переговорное устройство, даже без доступа к внутренней сети. Непроизвольно в памяти явилась рожа обидчика.

– Акклиматизация нужна скорее психологическая. Есть тут одна обезьяна... – пожаловался он, вспоминая хама в комендатуре. – Инструктировал по безопасности. Даже не

представился.

– В точку, – похвалил Валентин. – Это комендант лагеря, Пайк. В научных кругах кличка Резус.

– Павианий вожак! – громко провозгласил Ершов.

На столе появились фрукты и салат. Веселье продолжилось. Ершов умолк задумавшись. Фаруэл наоборот, словоохотливо распространялся о причинах, побудивших бросить родную кафедру в университете.

– Однажды я пришел в ужас от мысли, что всю жизнь просижу на одном стуле, – признавался он, обильно используя слова из других языков. – Страшно, когда из года в год ничего не меняется.

– Что же должно меняться? – поинтересовался Валентин, расчлняя апельсин.

«Неужели это ему интересно? – с тоской подумал Алекс. – Или психотерапия тоже входит в обязанности врача».

– Обстановка! – уверенно заявил англичанин.

– Желание менять говорит о внутреннем конфликте, – сообщил Валентин. – В чем суть твоего?

– Не знаю. Знал бы – не мучился, – резонно заметил Фаруэл. – Предложение поработать вдали от цивилизации на тот момент казалось удачным.

– А сейчас?

– Сейчас... – англичанин задумался. – Иногда сравниваю жизнь «до» и «после». Вроде и перемены не значительные. Ничем не лучше Лондона, и не хуже, но одно кресло, из года

В год....

– Так заменил бы, – встрял Ершов, – чтоб не тащиться в эту дыру.

Фаруэл отвлекся от созерцания бокала:

– Причем тут кресло? Дело в несбывшихся мечтах. Порой мне снится уползающая в нору змея, которую пытаюсь вытащить за хвост, а она скользит из рук, не могу удержать.

– Чем заканчивается? – оживился Валентин.

Физик печально посмотрел на врача:

– Уползает.

– Да не сон это. Самая настоящая явь, – сказал Ершов. – Без начала и конца,

Валентин, вздохнув, принялся разливать остатки хереса:

– Это, господа, компенсация за новые знания. Меня больше тяготит другое: знания нельзя бросить. Собирай себе, пока не раздавит ношей. В прямом и переносном смысле. – Валентин откинулся на стуле в наступающей неге. – Был у меня пациент по поводу эпигастральной грыжи. В процессе общения тот поведал интересную теорию. Чем больше мы живем, тем сильнее на нас давит прожитое. Сперва тяжело поднимать руки, потом ноги, потом – голову. В конце концов, проваливается наше брэнное тело под этим гнётом прямиком в могилу. Отсюда вопрос: если подобный гнёт испытывает каждый житель нашей планеты, не имеет ли место неопи-санная закономерность. Так сказать, частный случай закона всемирного тяготения.

– Оригинальное наблюдение, – похвалил Фаруэл. – Тянет на докторскую диссертацию. Какой-нибудь закон всемирной нравственности человечеству просто необходим. Возможно, это следующая ступень эволюции.

– Любой закон требует ответственности, – хмыкнул Ершов. – Что, Роберт Фаруэл испытывает дефицит таковой. Что, ему мало заповедей?

– Может и так! – эмоционально вздернулся англичанин. – Если заповеди не уберегают от ошибок, значит, известны не все. Помимо ответственности знания направляют по кратчайшему пути. Хотя, не скрою, иногда хочется от них отдохнуть.

– А это мысль. Невежество в качестве терапии, – подхватил Ершов. – Одна таблетка и порядок. Как считаешь, док, потянет сие на диссертацию?

Валентин задумчиво нюхал апельсиновую корку:

– Мысль не нова. Подобная терапия модна во все века. Ешь, пей, размножайся, да заповеди соблюдай.

Антон Степанович соорудил гримасу:

– Мерзость ваши заповеди. И без них тошно.

– Недостатки есть у всего. Они лишь подчеркивают положительные моменты, – подбодрил Валентин.

– Ну что положительного в поповских бреднях? – спросил Ершов, заводясь.

– Любое явление существует в определенных условиях, – сказал Фаруэл. – Цивилизация существует между черным

и белым, светским и духовным. На данный момент третьей возможности не придумано.

– Инквизиция между светским и духовным, – возразил Валентин. – Может, без нее и Европы, что мы знаем, не было бы.

– Это точно. Без тысяч сожженных Европа выглядела бы иначе, – вмешался Алекс.

Валентин, прищурившись, всмотрелся в поборника справедливости:

– Тенденция времени. Ну, модно было жечь всех и вся. Инквизиция тут не монополист. И, потом, с чего ты решил, что инквизиция жгла невиновных?

– Разве в примитивном обществе такого быть не может? – удивился Алекс.

– Примитивное общество рационально, – назидательно сообщил врач. – Рациональность не позволит примитивному человеку совершать то, в чем нет необходимости. Согласись, гораздо проще достать нож и зарезать, нежели вкапывать столб, собирать дрова, поджигать. Для чего? На радость, толпе?

– Хлеба и зрелищ. – Напомнил Фаруэл.

– Да, – согласился Алекс. – Может они были не настолько примитивны. Необходимость в зрелище никто не отменял.

Врач смотрел на Алекса, словно на несуразного ученика.

– Так, они похожи на нас, или на дикарей? Если они обладали разумом, следует признать их право на современную

логику, если нет – современная логика вообще не уместна.

Алекс набрал побольше воздуха, обдумывая ответ. У врача с логикой все было в порядке.

– Не будешь же ты отрицать, что в средние века жгли людей?

– Жгли, однозначно, но кого и для чего? – парировал Валентин.

– И для чего? Как это оправдать?

Валентин достал из-под стола непочатую бутылку.

– Оправдать можно что угодно. Например, неблагоприятная эпидемиологическая обстановка. В подобной ситуации применение огня вполне оправдано. Или в назидание.

Казалось, врач скатывается в пьяное словоблудие. Алекс посмотрел на физиков. Фаруэл, подперев голову, ждал продолжения. Ершов и вовсе дремал. Алекс решительно отодвинул бокал:

– Какое назидание?

Валентин отбросил апельсиновую корку и подался к центру стола.

– Что бы ты делал, зная о неизлечимой заразе носимой отдельными лицами. Легко распространяемой заразе. Ждал своего часа?

– Сделал бы то же, что и сейчас, – осторожно предположил Алекс. Он оказался на профессиональном поле врача и чувствовал себя неуверенно. – Изолировал больных. Без массовых убийств.

Валентин ухмылялся.

– Напомни, что в наши дни делают с умышленно распространяющими заразу?

– Их садят, – ответил Алекс, ощущая впереди западню.

– Правильно, – похвалил Валентин, – они несут за это ответственность. В худшем случае это статья за терроризм. А ты знаешь, что полагается за террор?

– Вышка! – подсказал вынырнувший из дрёмы Ершов.

– Или пожизненное, но, по мне, вышка гуманней, – согласился Валентин. – Почему же в диком средневековье всё должно быть по-другому? Почему мы судим предков, считаем их кровожадней и тупей себя? Значит нам можно, а им – нельзя? Сами в крови по горло. Предкам и не снилось.

– Аналогия не уместна, – возразил Алекс. – В то время не знали о микроорганизмах. Терроризм, биологическое оружие – тот еще аргумент.

Валентин утомленно вздохнул:

– Опять стереотипы. Ну не глупее они нас! Средневековье не знает микроскопа, но прекрасно знает заразные болезни. Сплошная практика. Например, гуляет какая-нибудь блудница с тремя иксами. По невежеству или с умыслом разносит заразу, пока нос не отвалится. – Валентин прервался на солидный глоток. – Вопрос: что с таковой будет в наши дни? Правильно! Проводят ее под белы ручки в закрытый стационар. Спросят, с кем это она так хорошо погуляла? Да с фамилиями, да с адресами... а у предков на то, есть инкви-

зияция, что расспросит с пристрастием. Отследят всю цепочку и уничтожат доступным способом: сожжением. С формулировкой: за извращения, как ведьму.

– Мне всегда казалось, что извращения и ведьмовство различны, по сути, – усомнился Фаруэл.

– Нисколько! – авторитетно заявил Валентин. – Ну, кто без греха. Даже святая церковь не гнушалась. Следовательно, разврат – это не грех. Но, если поставить штамп ведьмовства. Так сказать, устрашение неведомым, то дело пойдет на «ура». Что касается методов, в то время инфекция лечилась огнем. Да, были ошибки, но их и сейчас полно. Не ошибается тот, кто ничего не делает.

Фаруэл, задумчиво играл с бутылочной пробкой.

– Может и так. История вообще похожа на многовековую помойку, в которой ищут пропавший бриллиант. Влезешь, камня не найдешь, а запах останется.

Завизжал отодвигаемый стул. Ершов с трудом поднялся, крепко сжимая бокал:

– Ну что, ребята. За истину в последней инстанции.

– Обычно последний тост за науку, – поправил Фаруэл, не поднимая головы.

– Это одно и то же, друг мой! – жарко возразил Ершов и полез обниматься...

С моря приятно тянуло влагой. Алекс двинулся на шорох воды. За спиной, громко беседуя, расходились физики. Вернее, Фаруэл транспортировал коллегу к месту отдыха. Вален-

тин ушел бесшумно, не забыв со всеми попрощаться.

Прибой играл лунной дорожкой. Алекс тронул ногой мерцающую воду – никакого дискомфорта. Да, в наших краях такое бывает не часто. Оглядев пляж, и не заметив свидетелей, он сбросил всю одежду и побежал по лунной дорожке в набегающую волну.

Глава 3

Вечерняя пьянка сожрала всю энергию. Алекс проспал без задних ног до половины девятого. Проснувшись, долго собирался с силами, уговаривая тело подняться. В одних трусах выполз наверх и распахнул дверь. Утро хмурилось. Серость равномерно покрывала небо до самого горизонта. Ужасно хотелось пить. Лоуд был прав. В таком окружении спиться немудрено. И это притом, что он даже не приступал к работе. Да и вечером по делу ничего не услышал кроме пьяного бреда. Превозмогая апатию, Алекс быстро оделся и направился в столовую.

Народу было не много. Женскую часть коллектива представляла Лиз. Не ожидая, когда подтянутся остальные, быстро поглощала приличную порцию морепродуктов. Приглушенно звенела посуда, народ молча приступал к трапезе.

Ден сочувственно разглядывал помятое лицо посетителя:

– Тебе комплекс?

– Питья побольше, – попросил Алекс.

Ден принялся подавать тарелки.

– А почему девушки не ужинают? – поинтересовался

Алекс вполголоса.

– Режим у них. Для фигуры вредно, – отозвался Ден.

– Похоже, Лиз на режим плевать, – заметил Алекс, забирая поднос.

– Метаболизм такой, ничего не задерживается, – улыбнулся Ден.

Без лишних слов Алекс приступил к трапезе. Не светить же перед коллегами опухшей рожей. Еще подумают, чёрт-те что.

Появился координатор. Неспешно обошел помещение. Недовольно кривя носом, расположился во главе стола.

– Как прошел ремонт?

– Норма! – бодро откликнулся Джерри с набитым ртом. Лоуд перевел взгляд на телеметриста.

– Значит, все работает?

Джерри показал большой палец.

– Бесполезно это, – с тоской произнес Ершов. – Пустое.

– Антон Степанович, пару дней назад вы были недовольны сломанным гидрофоном, – напомнил Лоуд.

– Потому, что они нужны проекту, – не растерялся Ершов. – А, по сути, проку от них, как от простых индикаторов.

– Вы сегодня сверхобычного категоричны, – заметил Лоуд. – Плохо спалось?

– Нормально, – отмахнулся Ершов, – просто констатирование очевидного утомляет.

Он посмотрел на Фаруэла, ища поддержки, но англичанин не реагировал. Не хотел с утра начинать пустые споры.

– Головной институт не ждет от нас выводов, – напомнил Лоуд.

– В чем-то я с тобой согласен, – вдруг произнес Фаруэл, –

гидрофоны не дают нам возможность понять природу явления. В этом плане они бесполезны, нам. Но, возможно, геофизическому сектору они необходимы.

Фаруэл посмотрел на Алекса. Алекс молчал. Он сам еще не понял, что нужно. А Фаруэл и не ждал ответа, просто нырнул в себя, возвращаясь к завтраку.

– Ну, да! – согласился Ершов, разворачиваясь к Лоуду. – Порой ощущаю себя незванным гостем на чужом празднике.

Координатор не желал вступать в дискуссию и безразлично дернул плечами.

– Люди привыкли быть причастным ко всему, – внезапно поддержал беседу Валентин. – Причастность стимулирует развитие. Без этого, цивилизацию ждет долгая и мучительная смерть. В лучшем случае – деградация.

– Господа, разве вчера вам не хватило философии? – взмолился Лоуд. – Это наша работа.

Алекс перестал жевать: «Интересно, откуда Лоуд знает про вчера. Неужели кто-то донес?»

– Согласен, – сказал Ершов, не обращая на Координатора внимания, – но расставлять приоритеты нам не запрещали. Что основное, а что побочное, выбираем мы.

– На том и закончим, – вымученно улыбаясь, ответил Лоуд. Положение обязывало держать себя «в руках».

Алекс ощущал напряженность. Каждый из присутствующих ревностно исповедовал личные принципы. Таким везде тяжело. Когда же в одном месте появляются два пророка –

быть беде. В данном случае, ситуация усугублялась тем, что отступить желающим некуда. Кругом лишь горы и вода. От того, более зловещим казался факт исчезновения Качесова. И табу на подробности? Возможно, эти гении сами ничего не знали и просто выпендривались, расписавшись в незнании.

Вернувшись в лабораторию, Алекс блаженно растянулся на диване. Хорошо, что он один. Никто не мешает отдыхать и думать. Не меняя положения, Алекс принялся заново изучать лабораторный журнал. В данной ситуации это был единственный источник, заслуживающий доверия.

Электромагнитные шторма следовали систематически. Каждые шесть с половиной суток в море возникал низкочастотный фронт от точечного источника. Фронт волнами обрушивался на полуостров и бился о скальную гряду. Основная атака длилась девять минут. После, в дело вступали отраженные волны, и наступала интерференционная вакханалия. Волны вступали в резонанс, меняли частоты и интенсивность. Потом затухали в течение тридцати шести минут. Сейсмических колебаний не наблюдалось, зато повышалась напряженность земной коры. Увеличивалась за несколько часов до всплеска и после, в течение суток плавно приходила в норму. Кроме того, в районе полуострова имелся выход железной руды, что возбуждался во время волнений, значительно повышая магнитное поле. Всем этим явлениям сопутствовало значительное понижение температуры на 5 – 7 градусов, красноречиво намекая на перераспределение энергии

среды. И это – плюс к аномально низкой, фоновой температуре, которая держалась не просто так.

В журнале имелся календарь прошедших и будущих всплесков. Под прошедшими событиями скромно отображались зафиксированные параметры волн. И все. Скупое, без догадок и пояснений, словно это не лабораторный журнал, а тезисы к докладу. Следующей предполагаемой датой значилось: «14 июня 34года в 15.30, точность – плюс минус одна минута».

Алекс отложил журнал и вышел на веранду. Никакой ясности. Да, событие подробно описано и запротоколировано, но механизм явления? Что за глупость придумана наверху? Почему исследователи не могут делиться догадками? Отсюда столько споров и непонимания. Есть и вовсе удивительные факты, но связи между ними не просматриваются. Зато персонал станции о них дружно умалчивает. Вспомнились вчерашние рассуждения телеметриста. Возможно, ассистентка физиков что-то прояснит. Да и Мишель, как метеоролог, многое может рассказать. Алекс вспомнил отнятую Радугу. Дотошное устройство мастерски бы справилось с поиском нужной информации: провело анализ, представило бы варианты и прочие «бы».

От соседнего коттеджа донеслись голоса. Алекс перегнулся через перила. Спор застал физиков в дверном проеме. По забыв о насущных делах, те предавались любимому занятию. Момент был подходящим, и Алекс решился:

– Пятьдесят третий, – позвал он в ИУС.

– Слушаю! – откликнулась Лиз.

– Это сосед, – проговорил Алекс, соображая, с чего начать.

– Поняла, – поторопила Лиз.

– Я тут читал лабораторный журнал. Не все понял. Поможешь?

Какое-то мгновение Лиз раздумывала. Казалось, она обдумывает причину отказа, о чем и сообщит в скором времени.

– Сейчас буду! – против ожидания сообщила она и отключилась.

Алекс беспокойно присел на диван. Стоило продумать беседу. Судя по всему, ассистентка физиков – человек прагматичный. Зайдет и с порога запросит список вопросов. Потом посмотрит на растерянное лицо вопросившего: мол, что это вы, коллега, к разговору не подготовились, нехорошо....

Как и ожидалось, Лиз появилась стремительно. Спросила с порога:

– Что тебя интересует?

Предположения относительно Лиз сбывались.

– Не знаю с чего начать, – признался Алекс.

– Есть план исследований, там все расписано. – Лиз выхватила из рук лабораторный журнал. Принялась нетерпеливо листать страницы.

– В журнале кроме плана и общих заметок ничего нет, –

заметил Алекс. – Это вообще не похоже на лабораторный журнал.

Лиз не ответила. Недоуменно вчитывалась в записи.

– Журнал, возможно, почистили, – наконец предположила она.

– Как это? – не понял Алекс. – Это же официальный документ.

– Ну, официально и почистили. Кто заказывает музыку, тот и танцует. – Лиз положила бесполезное устройство на стол. – Мы лишь собираем данные.

– Хорошо, мне-то, что делать? Начинать все заново?

– Можно и так. В последнее время исследования и так свелись к статистической обработке данных, – совсем уже по-человечески, произнесла Лиз, и впервые посмотрела в глаза.

– Разве? – не поверил Алекс. – Мне говорили – Качесов подходил к сбору данных более творчески.

– И результат налицо, – констатировала Лиз. – Стоило придерживаться плана.

– Все-таки, что пошло не так? – допытывался Алекс.

– Меня уже допрашивал комендант. С меня хватит, – недовольно сообщила Лиз. Посчитав разговор оконченным, она вышла. Алекс прислонился к косяку. Конструктивного разговора не вышло. И, от части, по его вине. Кто же строит встречу как допрос. Не мудрено, что в ответ лишь общие фразы. Не сформулировав правильно вопрос, не получишь искомого ответа.

– Тридцать первый вызывает! – прервал размышления ИУС.

– Слушаю!

– Как настроение? – поинтересовался Валентин.

– Нормально.

– Сделай перерыв, загляни ко мне, – попросил врач. Так просят о пустяке старых приятелей, и отказать такой просьбе невозможно. Уметь бы так: настаивать. Может и разговор с Лиз сложился бы по-другому.

Встретила его Лена. Под белой униформой другой одежды не угадывалось.

Засмотревшись, Алекс пропустил момент приветствия, так что Лене пришлось повторять.

– Привет, – запоздало ответил он.

– Проходи. – Лена отступила, пропуская его вперед.

Пространство медкорпуса было спланировано иначе. Гостиная делилась стеной, образуя на входе «предбанник». Во второй части стоял массивный стол, за которым и вел прием Валентин. По другую сторону стола располагалось кресло для посетителей.

– Как самочувствие? – осведомился Валентин.

– Как всегда, – ответил Алекс, усаживаясь в кресло.

– Дискомфорт, расстройство пищеварения, повышенная сонливость? – продолжил Валентин, пропуская мимо ушей дежурную отговорку.

– Сонливость, – признался Алекс.

Валентин деловито потер ладони:

– Это хорошо.

– Зачем звал? – спросил Алекс, полагая вступительную часть законченной.

– Да за этим и звал.

– Просто поболтать? – удивился Алекс.

– Поболтать! – Валентин хмыкнул - У нас тоже, какие-никакие исследования.

Врач обошел стол и, приподняв голову гостя за подбородок, проверил зрачковый рефлекс.

– Ты мог здесь оказаться еще на прошлой неделе, прямо перед всплеском. А потом валяться в лазарете несколько дней. – Валентин вернулся на место. – Без акклиматизации, ты мне не нужен. Всплеск надо встречать подготовленным. Так что, если не возражаешь, мы проведем некоторые измерения.

В сопровождении Лены Алекс прошел в соседнее помещение. Здесь его дожидалось раскрытое нутро универсального сканера.

– Раздевайся и залазь! – скомандовала Лена.

– Полностью? – уточнил Алекс.

– Трусы можешь оставить, – сжалилась Лена.

– И что, всех так? – спросил Алекс, устраиваясь внутри.

– Конечно, обычный медосмотр, – успокоила Лена.

Агрегат уложился в пятнадцать минут, милостиво отпустив на волю. Пока Алекс одевался, Валентин просмотрел

показатели:

– Ничего страшного. Обычная акклиматизация. Онемения конечностей нет?

– Нет.

– Ну и хорошо. Примешь восстановительные препараты. Всё и нормализуется.

Алекс обеспокоенно навис над врачом:

– Что-то не так?

– Небольшие спазмы сосудов на периферии. Забудь.

Врач нравился. Единственный человек, не вызывающий дискомфорта. Странно, что до сих пор они толком не общались. Даже вчерашняя попойка этому не способствовала. Вероятно, для душевных бесед требовалась совсем иная обстановка.

Алекс присел напротив:

– Ты тут с самого начала?

– Заехали с Леной, неделей раньше остальных, вместе с Филиппом и Джерри, – охотно доложил врач.

– Так, наверное, комфортней, – предположил Алекс. – Идущие следом подстраиваются под ритм первых.

Валентин наморщил лоб.

– Кто тут кого ведет, понять сложно. В новом деле трения всегда, но кто ссорится с врачом? Это, знаешь ли, чревато, – врач прищурился. – Тебя что-то беспокоит?

– Не доверяют, – признался Алекс. – Постоянные недо-молвки.

Валентин усмехнулся:

– Ждешь утешений?

– Ну, по крайней мере, объяснения причин.

– Причины очевидны. Сам сказал: «Ведомые, идут по следам ведущих».

– Я не имел в виду себя! – возмутился Алекс.

– Ты не знаешь предыстории. Тут всё логично, – умиротворенно сообщил Валентин. – Предшественник твой много спорил. Доводов его не знаю, но профессуру это ужасно бесило.

– Так, может, они от него и избавились? – осторожно предположил Алекс.

Врач легкомысленно махнул рукой:

– Бог с тобой, они вполне адекватны. Побрызгать слюной – это, пожалуйста. Для более радикальных мер не то воспитание.

– Хорошо. Я, вообще не при делах!

– Пока да! – согласился врач. – Просто, должность твоя вызывает неприятные ассоциации. В природе человека дуть на холодную воду.

– Или вода не такая уж холодная. – Недовольно хмыкнул Алекс.

– А ты быстро учишься, – похвалил Валентин. – Спроси у Лиз: она свидетель этих баталий.

– Спрашивал. Молчит как партизан.

– Леша, Леша... – по-отечески вздохнул Валентин, – к жи-

вому существованию необходим подход. Тем более к девушке.

Алекс не возражал. Да, напортил. Несмотря на кажущуюся неприступность, ассистентка готова делиться информацией.

– Ты пойми, – наставлял врач: – Лиз строит карьеру. Значит, на рабочем месте не сделает ничего, что разрушит её усилия. В данном случае сливать информацию чревато.

– Так она всё время на рабочем месте. Не ночью же к ней ломится, – возмутился Алекс.

– А это идея. – Валентин стремительно развернул кресло: – Леночка!

– Да? – Леночка бесшумно возникла в проеме и вопросительно посмотрела на начальство.

– Ты не хочешь пригласить молодого человека в гости?

Леночка удивленно дернула бровью.

– Ему очень надо, – попросил Валентин.

– Ты живешь с Лиз, – догадался Алекс.

– Когда надо? – деловито осведомилась Лена.

Врач покосился на Алекса.

– Сегодня, полагаю.

Лена обреченно закатила глаза.

– К семи подходи. Мы по соседству, в седьмом.

Возвращаясь к себе, Алекса одолевали сомнения. О чем говорить, если изначально Лиз не пойдет против руководства. С другой стороны, по словам Джерри, в деле продвижения карьеры Лиз ставила на Качесова. Алекс улыбнулся

всплывшей очевидности. Девушка работала по всем направлениям, в любом случае выигрывая. А вот Саня Качесов шел ва-банк. Упрямо доказывал правоту окружающим, не стесняясь выходить за рамки дозволенного. Таким образом, открывая запретные двери, сам попал под табу.

Алекс представил, как Качесов восторженно сообщает Ершову свои догадки. А в ответ слышит о планах исследований. Ошалело приводит резоны - и слышит агрессивную отповедь. Такое кого хочешь, возмутит. Только, с какой стати физикам мешать рыться в проблеме? Какие же они после этого ученые, если не желают видеть и слышать очевидное?

Лена раскрыла дверь и придиричливо, как опытная сваха, оглядела гостя. Одета была в свободный костюм василькового цвета, напоминающий мед униформу. Гардероб Алекса был намного скуднее: шорты да гавайская рубашка песочного цвета.

Сочтя внешний вид удовлетворительным, Лена посторожилась.

– Проходи.

Алекс вошел и огляделся. Гостиная была типовой. Иным был запах. У телеметриста пахло лабораторной пылью. У физиков – затхлостью и старой бумагой. У Валентина, само собой, химией и озоном. А здесь кружил легкий аромат карамели и земляники.

Алекс присел к столу и принялся. Дымящийся чайник источал чарующий аромат.

– Необычный запах. Заказываете у Филиппа?

Лена довольно усмехнулась.

– Секрет фирмы. Даже Филипп теряет в догадках.

– И в чем секрет? – заинтересовался Алекс.

– Растет тут, на скалах, одна травка. Валентин нашел. Подсушил на солнышке, да заварил вечером. Тут же прибежал Филипп. Мол, проходил мимо, да учуял незнакомую пряность. На что Валентин, улыбнувшись, назвал траву по латыни.

– «По-французски, по-английски как?» – взмолился повар, и получил убийственный ответ: «Не знаю. На русском будет – «Несущая голову»».

Естественно, русский перевод Филиппу ничего не говорил.

– «Как выглядит?» – напирал он.

Валентин показал измятую ароматную солому без отличительных признаков и, видя отчаянную физиономию Филиппа, добавил: «Я же не знал, что тебе потребуется гербарий».

Лена наполнила чашку, и Алекс жадно вдохнул чарующий аромат. Против ожиданий, вечер начинался недурно.

– Уютно у вас. Часто принимаете гостей?

Лена под села к столику.

– На всех запалу не хватит. Это для особых случаев, – хозяйка пытливо посмотрела на гостя. – Как тебе база?

– Местами почти курорт, – съехидничал Алекс, поудобней

усаживаясь на стуле.

– А местами - почти работа. – В том же ключе заметила Лена.

Алекс пожал плечами.

– Мне пока нравится.

– У нас хороший администратор, – сообщила Лена. – Балансирует между интересами. Гармония получается своеобразная, но в нашей компании по-другому нельзя.

– Можно! – возразила Лиз, вынырнувшая из подвала. Зеленые бриджи да футболка с отложным воротником, что Алекс наблюдал с утра, красовались на худеньком тельце.

– Конкретизируй! – потребовала Лена.

– Конкретика не к месту. – Лиз выразительно потеревала ухо.

Что имелось в виду, Алекс не понял. Надеялся, что молчаливые знаки к нему отношения не имеют. Во всяком случае, Лену ответ устроил.

Лиз достала чашку из шкафчика и присоединилась к чаепитию.

Воспользовавшись паузой, Алекс рассматривал соседок. Конечно, подругами они не были. Совершенно разные натуры. Но за год совместной жизни пообвыклись. Шли по жизни параллельными курсами, не тяготясь рутинной. Взаимодействовали, в сложившихся обстоятельствах. А в данных обстоятельствах, гармония – это стабильность отношений в коллективе.

– Нелепо у нас днем получилось, – признался Алекс. – Прости.

Ход был засчитан.

– Принимается! – легко простила Лиз, – просто, есть нюансы, которые за пять минут не объяснить.

Она ухватила за чайник.

– Еще?

Алекс с готовностью подставил чашку. Контакт налаживался.

– Изначально мы договаривались считать все отражённые волны побочными, – между делом, продолжила Лиз. – Чтобы не запутаться. Чтобы сосредоточиться на главном. Со временем стало понятно: вторичные волны имеют другой механизм образования. Отраженных волн только часть. По параметрам они сходны с первичной волной. Другая часть вновь сгенерирована. Там периодичность другая и частота выше первоначальной.

Лиз отхлебнула из чашки, попутно метнув в гостя цепкий взгляд, вероятно решая, стоит ли продолжать. Алекс был во внимании и жаждал продолжения.

– Тогда-то у Качесова и созрела теория о побуждающей сущности первичного импульса.

– Что за теория?

– Все просто: энергия первичного импульса возбуждает электромагнитные поля путем насыщения железной руды энергией.

– Это и так понятно, – вставил Алекс. – Неужели старики с этим не согласны?

Лиз изменилась в лице.

– Я не договорила.

– Прости. Не удержался, – раскаялся Алекс.

Лиз помолчала, собираясь с мыслями:

– Всё это давно известно. Генерируемые волны более упорядочены. Стабильность периодов, амплитуды, форма пиков... – Лиз запнулась, подбирая аргумент позабористей, но не нашла и пренебрежительно махнула рукой, – первичная волна может похвастаться лишь стабильной мощностью и временем возникновения.

– Так в чём спор? – не понял Алекс.

– По Качесову, электромагнитный шторм есть ощущаемая часть некоего скрытого процесса. Первичный всплеск сообщает процессу энергию. Вторичный – передает преобразованную энергию конечному потребителю.

Алекс подобрался.

– Кто же потребитель?

Лиз переглянулась с соседкой, будто он спросил что-то неприличное.

– В самой концепции заложен намек на искусственность. Мои старики считают такие предположения незрелыми.

– Теория неоднозначна, – согласился Алекс. – Немудрено, что профессура встала в позу.

Лиз принялась наполнять чашки.

– Между прочим, старики отнеслись к теории серьезно.

– Как так?! – удивился Алекс. – Ты же сказала, концепцию посчитали незрелой.

– Обычно над сказанной глупостью они долго издеваются, чтобы ее источнику было неповадно, – вкрадчиво сообщила Лиз. – Стоящие мысли обсуждаются с автором, до изнеможения. В случае с Качесовым обсуждение затянулось настолько, что превратилось в склоку.

Озадаченный Алекс замер с пустой чашкой.

– Действительно, странно.

Лиз отобрала пустую чашку и поставила на середину стола.

– Как говорит Ершов, есть три типа исследователей: одни следуют утвержденному плану и, в конце - концов, добиваются признания; другие всю жизнь доказывают свою правоту и остаются у разбитого корыта, растратив время на споры. А третьи – просто работают. Без оглядок, на прочих. Между делом двигая науку.

Алекс задумался, определяя себя к профессорской классификации. С наскака не получалось. Хотелось и признания, и реальных достижений. Он растерянно смотрел на Лиз.

– А Ершов, к какому типу себя относит?

Лиз выразительно хмыкнула:

– Ни к какому. По Ершову, человек зависим от ситуации. Сегодня мы одни, завтра другие. Соответственно, подходы к решению задачи со временем меняются.

– Пахнет беспринципностью, – заметил Алекс. – Ты тоже так считаешь?

– Я всего лишь лаборант, – нервно сказала Лиз. – Да и не всё так просто.

Конечно, всё было не просто. Она участвовала в коллективном сговоре. Конечно, понимала: рано или поздно правда откроется. Тогда, избегая ответственности, руководство подставит тех, кто рангом пониже.

Столь щекотливая тема была сейчас некстати. Алекс сосредоточился на цели визита.

– Если была жаркая полемика, значит, стороны обменивались аргументами?

– А как же, – подтвердила Лиз. – Например, утвержденный план исследований.

– Шутишь? – усмехнулся Алекс, – какой же это аргумент?

– Самый значимый, – серьезно ответила Лиз. – Есть ещё, по мелочи. Мощностъ первичной волны на порядок выше. Механизм ее возникновения так же не известен. В общем, старики считают ее более важной, как объект исследования.

Ни с того ни с сего Лиз отправилась мыть посуду. Намек на конец беседы был очевиден.

Не встревавшая в разговор Лена это тоже поняла.

– Как спится на новом месте? – доброжелательно осведомилась она.

– Непривычно в подвале.

– Я тоже долго привыкала, – посочувствовала Лена. – Во-

обще-то, сотрудников базы тестировали на клаустрофобию.

– Что-то я такого теста не помню, – признался Алекс, на-прягая память.

– Есть тесты, которые можно провести и без твоего уча-стия. По крайней мере, в твоей медицинской карте сказано, что клаустрофобии не подвержен.

Неожиданно Лена оказалась у него за спиной. Успокаива-юще опустила руки на плечи. Алекс тревожно крутил голо-вой, чуя неладное. Лиз то же отвлеклась от мытья посуды, ожидая продолжения.

– Зато имеется смещение позвонков в нижнем пояснич-ном отделе. – Правая рука фельдшера, соскользнув с плеча, ловко надавила на позвонки.

Алекс дернулся и вцепился в стол.

– Вот так, больной, – на ухо констатировала Лена. – Об этом ты догадывался?

Алекс осторожно потирал спину:

– Да уж несколько лет и не вспоминал.

Лена вернулась на место и задорно подмигнула:

– Ничего, подлечим.

Боль постепенно отступала. Пожалуй, на сегодня знаком-ства было достаточно. Алекс осторожно поднялся.

– Что ж, пойду.

Лена вышла следом. Доброжелательная, с легкой устало-стью на лице.

– Спасибо за чай, – поблагодарил он искренне. Ситуация

прояснилась. Да и Лиз больше не смотрела волком, что вовсе неплохо.

Лена протянула руку.

– Утром ждём. Займемся твоими болячками.

– Кстати, Ершов, когда не может заснуть, выбирается на поверхность и спит на лабораторном диване, – сообщила Лиз, появляясь на пороге: – это, конечно, против инструкций, но сон ведь важнее.

Уже стемнело, но казалось – Лиз улыбается.

Глава 4

На востоке зарождалось солнце. Воздух, пропитанный морской влагой, быстро растворял остаточную дрему. Алекс сбежал по ступенькам мимо столовой и оказался на пляже. Боль в спине, что вечером спровоцировала Лена, за ночь пропала, позволяя совершить задуманное. Оглядевшись по сторонам, он побежал навстречу солнцу. После вчерашнего он твердо решил заняться здоровьем. Ближе к восточному пляжу ему встретила Мишель.

Честно признаться, он ждал этой встречи. Видел в метеорологе некое проявление закона равновесия. Профессура угнетает, Валентин стабилизирует, а Мишель наполняет жизнью.

– Доброе утро! – жизнерадостно крикнула она издалека.

Алекс замедлился, разглядывая девушку. Гардероб крайне простой и функциональный: майка да потёртые шорты. Под взмокшей одеждой угадывался купальник.

– Побежали, – скомандовала она, не останавливаясь.

Бежала Мишель легко и грациозно. Ритмично мелькали жилистые ноги. Неожиданно для Алекса, слишком быстро. В районе беседки Алекс запросил перерыв.

– Окей, я в море, – просто ответила Мишель. Оказавшись у кромки воды, она принялась изображать стриптиз. Весело поглядывая на компаньона, отточенными движениями бро-

сала одежду на песок. Алекс восхищенно шарил взглядом по ладной фигурке. Мишель не возражала. Демонстративно покрутилась и отправилась штурмовать море.

Вблизи берега ощущалось значительное течение, но Мишель упорно двигалась вперед. Впрочем, Алекс плавал лучше и быстро настиг спутницу. Тактично держался в кильватере, чтобы не мешать заплыву. С интересом наблюдал за борьбой громоздившихся впереди рифов с упрямыми волнами. Хотелось сплывать и воочию понаблюдать за вечным противостоянием стихий. И к бую с гидрофоном тоже хотелось. Точно такой они ремонтировали. Приятные воспоминания требовали повторения. Алекс посмотрел на водную гладь впереди и не обнаружил метеоролога. Оказывается, пока он предавался мечтам, Мишель отстала и сейчас, неподвижно раскинувшись на волне, смотрела в небо. Дальше плыть она не собиралась. Оставить же её в одиночестве было совсем не по-джентельменски. Подавив порыв, Алекс повернул назад. В конце концов, буй никуда не денется.

Течение неотвратимо тянуло к берегу. Мишель приняла вертикальное положение и осмотрелась. Алекс, соблюдая дистанцию, был неподалеку.

– Похоже, плавать у тебя получается лучше бега, – заметила бельгийка, отплеываясь.

– Занимался в детстве, – скромно сообщил Алекс.

– Теперь понятно, почему на бег тебя не хватает, – связвила Мишель.

Объяснять по поводу «бревна в собственном глазу» не хотелось. Вдруг всплывут новые обиды, и конец прекрасному утру.

– Каждому свое, – миролюбиво отозвался Алекс.

– Надеюсь. – Мишель, не торопясь, повернула к берегу. Алекс бросил взгляд на буй: «Не судьба, дружище, в следующий раз. Когда буду один».

В несколько гребков он догнал Мишель и поплыл рядом. Сперва плыли молча. Алексу даже стало казаться, что Мишель на что-то «дуется».

– Если у тебя что-то интимное, спрашивай сейчас. Базу слушают, – неожиданно сообщила спутница. Алекс ошалело замер. Внезапно стал понятен жест Лиз вечером. Не желая любоваться произведенным эффектом, Мишель погрузилась в пучину. Потом тихо вынырнула, снисходительно ожидая вопросов.

Алекс подплыл поближе.

– Что, повсюду?

Мишель сделала гребок и оказалась совсем рядом.

– Везде, где электроника. Камеры, само собой. А главным образом через ИУС, его чувствительность в радиусе десяти метров. – Она безапелляционно привлекла его за шею и прошептала в ухо:

– Так что, если захочешь пошептаться, – жду на пробежке.

Ноги коснулись дна. Утреннее солнце бережно гладило теплом. Мишель стряхнула с волос лишнюю влагу и приня-

лась вытираться майкой. Алекс не спешил. Идти в мир, где всё просматривается и прослушивается, не хотелось.

– И что, все знают?

– Конечно, тут же работают специалисты, – подтвердила Мишель. – Приборы фиксируют твоё местоположение в течение суток. При необходимости, на слова – маяки включается «прослушка».

Алекс озабоченно посмотрел на уютную веранду столовой.

– Кажется, я наговорил лишнего.

– Не напрягайся, – успокоила Мишель, – физики вообще забили на цензуру. Порой такое обсуждают, хоть с базы беги.

Она принялась натягивать шорты.

– Просто прими к сведению: обсуждать всякую ересь на секретном объекте – чревато.

– Качесову же как-то удавалось, – легкомысленно возразил Алекс, щурясь на восходящее светило.

Мишель приблизилась.

– Удавалось, – зловеще проговорила она. – Теперь у нас новый геофизик.

– Считаешь, его убрали?

Мишель не торопилась отвечать. Может, обдумывала ответ, может, испытывала терпение. Неспешно собрала мокрые вещи и закинула на плечо.

– Возможно. Идея – субстанция нестабильная, тем и опасна.

– О тлетворном влиянии идей мне говорят с момента приезда! – разочарованно фыркнул Алекс.

Мишель вздохнула, словно мать о нерадивом сыне:

– Зачем наступать на те же грабли? Наивно. Войны «на ура» плохо заканчиваются. Надо хотя бы знать, в какой стороне противник.

– Да у вас тут, похоже, надо занимать круговую оборону, – хмуро пошутил Алекс.

– У нас, – поправила Мишель. – Для начала наладь отношения с коллективом.

– Вроде и так все нормально.

– Вроде. – Мишель опять вздохнула, обреченно устремляя взгляд в небо. – Совместная пьянка доверия не поднимет. Отношения – это кропотливая работа. Для начала изобрази дружелюбие, но соблюдая дистанцию.

Наставления метеоролога больше смахивали на уроки лицемерия. Но и здравый смысл тут был. Ладить мосты взаимопонимания следует на языке хозяев. Похоже, Мишель уловила его настроение.

– Это работает, когда войдет в привычку. – Мишель для убедительности ткнула его пальцем в грудь. – И претензий поменьше.

Солнце, оторвавшись от горизонта, рисовало на песке длинные тени. На сегодня лекция закончилась. Мишель стремительно направилась в сторону лабораторий:

– Идем работать.

В вопросах питания Лоуд проявлял староанглийское постоянство. Завтракать приходил без четверти девять, и steadily занимал свое место. Такими же постоянными были Валентин с Леной. Здесь постоянство обуславливалось служебной необходимостью. Быстро завтракали, отвлекаясь на обсуждения околomedicalных тем, и уходили. Постоянство Джерри обуславливалось метаболизмом. Ощущение голода вовремя поднимало с постели, чтобы поспеть к раздаче. Питался он без изысков. Гамбургер и кола, прямо из бутылки, составляли основной рацион. Кроме того, на этот период, вставлялись в уши затычки, вероятно, для стимуляции пищеварительного процесса. Остальные обитатели базы являлись по настроению. А так, небольшую горстку коллег, стимулированную необходимостью, можно было и потерпеть.

Алекс взял омлет с кофе и присел на своё место. Сразу заметил, что Координатор неодобрительно поглядывает на телеметриста. Хочет что-то сказать, но сдерживается.

Алекс с интересом наблюдал за внутренней борьбой координатора: «Что, его так раздражает?»

Лоуд, все же не удержался:

– Геральд! – четко произнес он. Джерри скосил глаза на координатора и освободил одно ухо. – Я вам много раз говорил: на территории ношение ИУСа обязательно.

– Господин координатор, а я вам неоднократно отвечал: ИУС у меня всегда при себе! – в доказательство Джерри похлопал себя по нагрудному карману.

– Но в таком положении он не работает! – возмутился Лоуд.

– Да, – согласился Джерри, – но сейчас перерыв. А в не рабочее время, по трудовому договору, носить его в ухе необязательно.

Он сделал паузу, давая Лоуду переварить услышанное, и продолжил:

– В то же время, устройство, согласно правилам, находится постоянно при мне. Поэтому нарушений с моей стороны нет.

Возразить по существу, администратору было нечего. Он молитвенно сцепил руки:

– Я же вас просил по-человечески. Ваши телодвижения за столом раздражают. Здесь не дискотека.

– Простите, господин Лоуд! – покаялся Джерри, приложив свободную руку к груди. – Постараюсь сдерживаться. Кстати, я тоже вас просил не называть меня Геральдом.

Лоуд бросил укоризненный взгляд в телеметриста и вернулся к обеду. Стороны остались при своём. Впрочем, судя по тому, что медики пропустили перепалку мимо ушей, разговор этот был не впервые.

Мишель появилась на исходе отведённого времени, столкнувшись на пороге с выходящим Лоудом. Вместо того чтобы «включить» администратора и сделать замечание опоздавшей, координатор принялся извиняться за невнимательность. Мишель, как само собой разумеющееся, благосклонно

приняла извинения. Подойдя к окну раздачи, ласково вызвала Филиппа, который уже «сматывал удочки», и затребовала желаемое. Желаемое было предоставлено поваром с несвойственной тому суетой. Филипп булькал замысловатые комплименты по-французски, местами вставляя скупую английскую речь. Всплескивал от умиления руками, когда Мишель отвечала ему на французском.

– Только для тебя, – повторял он, возбужденно трясая румяными щеками. – Специально оставил.

Между тем, в битву за благосклонность включился Джерри, ставя перед Мишель стул.

– Прошу!

Мишель молча разгрузила поднос, а Джерри услужливо убрал его со стола.

В награду телеметрист получил очаровательную улыбку. Взаимность между коллегами, почему-то вызвала досаду. Алекс отвел взгляд: «Как же! Держит на расстоянии. Поди, спит с ним». Он быстро запихнул в себя остаток булки и покинул столовую.

Чтобы отвлечься, Алекс пытался думать о работе. Благо, проведенный с утра разговор дал пищу для размышлений. И все же, беспокойные мысли прорывали возведенные барьеры, напоминая о метеорологе. Как ловко та крутит окружающими! Алекс вспомнил реакцию координатора на бельгийку: в момент встречи Лоуд походил на козла, узревшего свежую капусту. А ведь координатор не юнец. Ветеран анту-

ража и подковерных интриг. В таком разе, бельгийка могла приложиться и к судьбе Сани Качесова. Еще один человек, способный пролить свет на умышленно затертую истину.

Ближе к обеду, возможно из-за долгого сидения, появились неприятные ощущения в пояснице. Позвонок напомнил о себе тянущей болью. Видать, Лена своими манипуляциями спровоцировала обострение. А может, причиной была утренняя пробежка. В любом случае, стоило навеститься в медпункт.

В приёмной его встретил Валентин. Полу расстёгнутая хлопковая рубашка цвета морской волны оголяла волосатую грудь.

– Как дела? – поинтересовался он.

– Да, что-то спина... – в доказательство Алекс потер поясницу.

– А, ревматоидное состояние, – благожелательно подтвердил врач. – Проходи.

Он усадил пациента на стул.

– Вчера, после твоего ухода, посмотрели снимок, а там – неприятные изменения в скелете.

– Что-то серьезное? – заволновался Алекс.

– А! – Валентин махнул рукой. – Ничего не обратимого.

Из процедурной выглянула Лена в наглаженном голубом костюмчике.

– Привет! – Совсем по-свойски поздоровалась она и принялась наблюдать за манипуляциями Валентина.

– Майку снимай, – велел тот.

Сильные пальцы пробежались вдоль позвоночника:

– Болит?

– Нет, – слукавил Алекс. Что-то неприятное все же было.

Во всяком случае, Валентина ответ устраивал. Врач продолжал осмотр:

– Ноги вместе, наклоняйся вперед.

Заноза в позвонке дала о себе знать. Алекс дернулся.

– Здесь, значит... – Валентин опять надавил, и Алекс скривился от боли.

– Ничего, – подбодрил Валентин. – У меня тут такой костоправ есть...

Алекс скептически покосился на фельдшера.

– Лена, что ли?

– Не совсем. Лена просто снимет поясничный отдел, – распорядился Валентин.

В процедурной за Алекса принялся всё тот же сканер. Только в этот раз все его внимание было приковано к пояснице.

– Ну что, ущемление, – констатировал Валентин, рассматривая результат сканирования. – На вытяжение его. Восемь сеансов, через день.

Алексу представилась дыба, на которой люди в кровавых балахонах терзают несчастную жертву.

– Может, обойдемся таблетками? – безнадежно предложил он.

Валентин откинулся в кресле и посмотрел проникновенно.

– Лекарства и так сыграли с человечеством злую шутку. За возможность лечиться с помощью химии человек платит отсутствием иммунитета. Так что будем восстанавливать «status quo».

Алекс улегся в причудливый аппарат. Лена активировала программу и агрегат, цепко обняв пациента, напряг стальные мускулы. Затрещали побеспокоенные позвонки.

– Он меня не разорвет? – затревожился Алекс.

– Если будет сбой программы, – вполне, – цинично согласилась Лена.

Отвечать было тяжело, и Алекс ограничился выразительным взглядом.

Заметив его тревогу, Лена сжалилась:

– Не беспокойся, за такие деньги программы просто так не сбиваются...

Сеанс длился тридцать минут и неожиданно принес облегчение.

– Как самочувствие? – поинтересовался Валентин.

– Необычное, – посмотрев в потолок, определил Алекс.

– Значит, до послезавтра свободен, – отпустил Валентин.

– Тяжестей не поднимать.

– А бегать можно?

– Бегать? – Валентин задумчиво постучал пальцами по столу.

– По утрам, вместо зарядки, – добавил Алекс с надеждой.

– Воздержись пока, посмотрим динамику.

По дороге в лабораторию боль из поясницы переключалась на правую ногу. Алекс связался с Валентином.

– Бывает, – посочувствовал врач. – Больше покоя.

Алекс похромал дальше, мечтая побыстрее оказаться на диване. Но прежде он встретил Джерри, беседующего с Фаруэлом.

– Что это с тобой? – поинтересовался телеметрист, приглядываясь.

– Нога разболелась, – ответил Алекс, не вдаваясь в подробности.

– Может, к врачу сходить? – предложил Фаруэл.

Алекс перевел дух.

– И так от него. Обслужили по полной.

– Мне в прошлом году ящик на ногу упал, – сообщил Джерри невпопад. – Связки повреждены, гематомища. Так Валентин сшил, – все работает.

– Всякое бывает, – неопределенно заметил Алекс и отклонился. Неожиданно Фаруэл вызвался в провожатые. Дистанция до спасительного дивана увеличивалась в геометрической прогрессии. Но хорошие отношения были важнее.

– Конечно! – обреченно согласился Алекс.

Фаруэл увлек его к ближайшей скамье в тени пальмы. То, что разговор по работе, было понятно. А тема, судя по выбранному месту, из разряда тех, что обсуждают вполголоса.

Фаруэл молчал, собираясь с мыслями. Алекс не мешал.

– Как продвигается работа? – наконец спросил физик. – Вникаешь?

Все выглядело как детский треп с непременным налетом таинственности. Похоже, англичанин не наигрался в детстве.

– Приходится начинать заново, – прямо сообщил Алекс. – Вы же знаете, наработки Качесова уничтожены.

Фаруэл прямо не удивился. Явно знал, а может и принимал участие.

– Твой предшественник изначально двигался не в том направлении, – с несвойственной легкомысленностью, заявил он. – Тебе в любом случае, начинать заново.

Уверенность собеседника предполагала знание предмета.

– Откуда известно, что не в том? – поинтересовался Алекс.

– Наши исследования имеют несколько другую направленность. Приоритет отдан первичному всплеску.

Алекс напрягся. Похоже, сейчас ему укажут единственно верный путь и благожелательно предостерегут от иного.

– Хотите сказать, Качесов целый год занимался не тем? Куда же глядело руководство?

Англичанин замялся:

– Вероятно, я не так выразился. Твой предшественник некорректно ставил акценты.

Алекс усмехнулся.

– Так понимаю, физический сектор в правильности своих

акцентов не сомневается.

Фаруэл печально смотрел на Алекса, то ли сочувствуя, то ли понимая негодование.

– Не сомневается только идиот, – медленно проговорил он. – Официально мы работаем по первичной волне. Не будет результатов по официальной программе, – не будет возможности изучать все остальное.

– Кто заказывает музыку, тот и танцует королеву, – тихо произнес Алекс.

– Вот именно – подтвердил англичанин.

– Может, стоило подсказать кураторам темы поинтересней? – сказал с претензией Алекс.

– Кто ж знает, что интересней? – философски откликнулся англичанин. – С чем изволите сравнивать? С догадками предшественника?

Алекс молчал. Сравнивать действительно было не с чем. Собственного опыта не было, документов тоже. Дальнейшие разговоры превращались в посмешище.

– Да, генерация вторичной волны в результате воздействия первичной на железную руду вероятно, – не дожидаясь ответа, продолжил Фаруэл. – но принципиально это ничего не меняет. Первичная волна на порядок мощнее и настолько же опасней.

Замечание показалось дельным. Возможно, увлекшись идеями Качесова, он начал предвзято относиться к официальным исследованиям. Однако настораживала всеобъем-

лющая навязчивость. Зачем запрещать иное. Ведь прекрасно знают: запретный плод сладок.

– Бесспорно, это интересно, – не замечая сомнений, рассуждал Фаруэл, – но мы не можем расплыться. У нас на то ресурсов нет. Как ни крути – исследовать первичную волну придется. Задачи решаются по очереди. Как у вас в России говорится: «За двумя зайцами погонишься, никого не поймаешь».

– Ни одного! – машинально поправил Алекс. Позиция стариков виделась логичной и цивилизной. В то же время, попытка ее донести до Алекса напоминала оправдание.

– Все разумно! – признал Алекс под пытливым взглядом физика. – Почему же ваши доводы не убедили Качесова?

– Потому что упрямый! – в сердцах констатировал физик. – Молодое поколение вообще падко на сенсации, а тут – такая возможность. Пойми, мы не игнорируем побочное. С начала исследований было много споров о приоритетах. В итоге решили начать с первопричины.

Алекс покосился на англичанина. В попытке донести очевидность тот морщил лоб и потел. Мучить старика не было сил. Да и зачем? Все понятно.

– Что ж, будем делать выводы! – дипломатично пообещал Алекс, поднимаясь.

– Надеюсь! – вздохнул Фаруэл.

Разговор вышел грубоватым, но чего ждал англичанин? Истина – величина объективная. Она не смотрит на возраст

и чувства. Откуда физики вообще узнали про интерес к отраженным волнам?

Скрипнула скамья позади. Не удержавшись, Алекс обернулся. Фаруэл, опершись на скамью, смотрел ему вслед, досадливо прижимая свободную руку к груди.

«Интересно, как у него со здоровьем? – с жалостью подумал Алекс. – Называется, выбрал спокойное местечко».

Атака на разум неожиданно получила продолжение. Спустя час его вызвал на беседу Лоуд.

«Настучали уже!» – раздраженно думал Алекс, выходя из лаборатории. Остатки вины за грубый разговор с Фаруэлом бесследно испарились.

Лоуд сидел в кресле и задумчиво дымил трубкой.

– Прошу!

Алекс расположился напротив. Координатор не торопился. Уставившись в потолок, наблюдал за эволюцией дыма. После продолжительного молчания Алексу стало казаться, что координатору просто наскучило одиночество. Наконец, Лоуд перевел взгляд на собеседника.

– Как-то прибежал Ваш предшественник и поведал о догадках. Я поинтересовался причиной такого возбуждения. Александр ответил, что возмущён непониманием смежников. Поскольку ситуация конфликтная, я обещал разобраться. – Лоуд отвлекся на затяжку и посмотрел в окно. – Выслушал мнение физиков. Запросил мнение кураторов. Те думали пару дней и сообщили решение: «Приоритетной счи-

тать волну с эпицентром в море». По мнению центра, выводы Качесова имеют право быть, но существующую картину не проясняют. Между тем, первоначальная волна обладает большей потенциальной опасностью. Механизмы ее возникновения настолько глобальны, что выходят за рамки современных представлений.

Координатор переместился к окну и вновь задымил.

– Собственно, от нас ничего не зависело. Качесов вынужденно согласился. Согласились все. – Лоуд вернулся за стол и принялся возиться с трубкой.

Столь дружная покладистость коллектива удивляла.

– Что, обошлось без особого мнения? – спросил Алекс.

– Особое мнение было у Качесова, но он согласился ...

– Лоуд отвлекся от своего занятия. – Хочу быть услышанным. Ваши сомнения понятны. Вторичная волна, как явление, весьма интересна, но мы на работе. Делаем то, что обозначено планом. Поверьте, здесь собрались неглупые люди. Попытки идти другим путем деструктивны и тормозят работу.

Позиция руководства прояснилась. Совсем недавно коллектив притерся мнениями, положив конец интеллектуальным войнам. Новичок же дует на почти остывшие угли. Здесь с координатором не поспоришь. Либо работа, либо пустые споры. Оставалось прояснить еще одну важную деталь.

– Можно вопрос, Джон?

Координатор поднял взгляд.

– Конечно, что за вопрос?

– Зачем почистили лабораторный журнал?

Лоуд недоуменно задрал брови и откинулся в кресле.

– Этот аспект я как-то упустил. Мы его не чистили. Файлы изъяли в рамках следствия по Качесову. Вернули в таком виде. Я просто не подумал, что это может вызвать негативную реакцию.

– А какую реакцию вы ждали? – в свою очередь удивился Алекс. – Мне бы эти данные очень пригодились.

Лоуд развел руками.

– Здесь я бессилён! Так решили наверху.

Алекс удовлетворенно прочистил горло. Утраченных записей, конечно, жаль, но осознание, что свои – по-прежнему свои, несоизмеримо выше. Какая уж там совместная деятельность, если нет доверия.

– Еще вопросы? – участливо поинтересовался Координатор. – Не стесняйтесь, вопросы – это моя работа.

Алекс мотнул головой: вопросов не было.

– Значит, я могу надеяться на понимание? – осведомился Лоуд.

– Можете!

Алекс неспешно топтал песок. Дыхание моря постепенно смывало липкое ощущение бесперспективности. Разрушенные в кабинете Лоуда планы образовали тревожащую пустоту. Сознание по привычке требовало новую цель. Понятно, что Координатор ожидает простых и понятных манипуля-

ций. Схожих с теми, что проделывает физический сектор, тупо набирая статистику. Великие открытия и связанные с ними потрясения, не в его планах. Шевелись в обозначенных пределах и расслабляйся, когда невмоготу. Ведь Лоуд мог запретить ввоз алкоголя, положив конец тотальной пьянке в лагере, – но нет. Понимает: в условиях творческого вакуума требуются радужные тона. Иначе конвейер безнадежно застрянет.

Проходя мимо беседки, Алекс обнаружил Мишель, расположившуюся в тени лиан. Потертые шорты, выгоревшая рубашка, стянутая узлом на ладной талии, приносили в облик метеоролога элемент небрежности. Но выглядела подобная небрежность дизайнерской заготовкой для таких случаев. Большие зеркальные очки дополняли созданный образ.

Он в нерешительности остановился. От всех прочих обитательниц базы Мишель отличалась хронической собранностью. Определить, отдыхает она или работает, не было никакой возможности. Мешать не хотелось. Однако, Мишель поманила пальцем, обрывая сомнения. Алекс приблизился.

– С Лоудом говорил? – проницательно осведомилась бельгийка. Алекс удивленно смотрел на свое отражение в очках: «откуда она знает»?

Между тем, Мишель встала и бесцеремонно стянула с его уха клипсу ИУСа. В молчании увлекла к воде.

– Ты хотел спросить, откуда знаю?

Алекс кивнул, наблюдая за игрой ветерка в наспех зако-

лотых волосах.

– Пойми простую вещь: здесь секретов нет. Поэтому и обсуждать секреты здесь не принято, – сообщила она. – Ты знаешь, что уже под присмотром службы безопасности?

– Какой же это секрет, если все в курсе, – стушевался Алекс.

– В курсе те, кто подписку о неразглашении давал. Ты, кстати, тоже. – Мишель, не торопясь, двинулась вдоль берега. Заинтригованный Алекс тут же оказался рядом.

– А знаешь ли ты, что курирует нас военное ведомство? – продолжила Мишель.

Алекс не знал. Догадка об истинной цели исследований пришла только сейчас. Неужели и здесь пытаются создавать очередное оружие?

Мишель словно читала его мысли.

– А как ты хотел! Сила с мощью стихии – лакомый кусок!

– Откуда ты это все знаешь? – восхитился Алекс. Хотелось заглянуть ей в глаза, но мешали темные стекла.

Мишель, в очередной раз, прочитав мысли, задрала очки на лоб.

– Еще один дружеский совет: прекрати мусолить тему. Всё будет, так как идет. С тобой или без тебя. Понял?

Видя, что желаемое донесено, Мишель повернула к беседе. Алекс шел рядом, уважительно поглядывая на спутницу.

«Неужели в одном теле может уместиться красота и пронизательность, граничащая с телепатией. А осведомлен-

ность в вопросах безопасности? Как-то не вяжется с метеорологией».

Не доходя до беседки, Мишель обернулась, и Алекс в задумчивости налетел на спутницу. Близость оказалась настолько приятной, что не было сил отступить. Не отступила и Мишель. Так и стояли, очень близко, не зная, как к этой близости относиться. Вернее, не знал он. С противоположной стороны, похоже, все шло по плану. Периодические поощрения для лучшего усвоения материала.

– На Лоуда не злись, – нарушила затянувшуюся паузу Мишель. – Он всего лишь посредник. Окончательное решение не за нами. Всегда за ними. И с физиками советовались для проформы. Они ничего не решают.

Неожиданно, попранная истина отступила на второй план. Бельгийка, стоявшая рядом, казалась намного значимей подпольных игр руководства. Да и говорит дело. Собственно, иллюзия свободы поддерживается для большей производительности. С чего здесь будет по-другому. Но как же она хороша!

Ощувив первобытные флюиды, Мишель смирила подопечного презрительным взглядом и двинулась дальше, руша чарующую атмосферу.

– Если наши ни при чем, то с чего такая реакция? – обиделся Алекс.

Чтобы не повышать голос, Мишель вернулась.

– Как и ты, они наивно полагают, что с ними считаются.

Наверху эту убежденность предпочитают не разрушать.

Посчитав разъяснения законченными, Мишель двинулась к беседке.

Алекс автоматически ухватил ее руку.

– Подожди. Почему это не объяснить остальным?

Свободной рукой бельгийка ткнула в солнечное сплетение. Алекс охнул и отступил.

Мишель расстреливала наглеца, возмущенным взглядом.

– Не хватай малознакомых людей. Это неприлично. А, в случае ответной атаки, ты беззащитен.

Алекс озадаченно тер живот.

– Я думал, мы не чужие.

– И последнее, – отрезала Мишель. – Когда не уверен – спрашивай.

– Я и так спросил! – возмущенно огрызнулся Алекс.

Мишель смягчилась и снизошла до объяснений.

– Здешний контингент – искатели приключений. Такие воспринимают личный опыт. – Мишель безнадежно махнула рукой. – И ты такой же.

– К чему тогда разговоры? – обиделся Алекс.

– Мы же потенциальные друзья, – с ехидцей сообщила бельгийка.

Довод был железным и подсознательно желанным. В каком-то порыве благодарности за оказанное доверие Алекс тут же ляпнул:

– Тогда обращайся, если понадобится. По-дружески.

– Сейчас как раз такой случай, – неожиданно сообщила Мишель.

– Правда? – не поверил Алекс. В ответ, Мишель указала на надувную лодку в тени пальм.

Алекс работал веслами. Мишель, облокотившись на резиновый борт, безмолвно светила зеркалом очков. Рубашку она оставила на берегу, оставшись в серебристом купальнике. Под ногами стоял кейс с емкостями. Алекс, украдкой поглядывал на небольшую грудь спутницы. В свете последней лекции бельгийка меньше всего напоминала метеоролога. А тут еще странные пробы воды. Он мельком оглянулся, оценивая расстояние до цели. Буй, украшенный слепящими бликами, был всё так же далеко. Первым делом, устроившись в лодке, Алекс спросил: «куда?»

Мишель указала цель и, видя озадаченное лицо, добавила: «Ты же хотел туда сплавать».

Крыть было нечем. Алекс послушно налег на весла.

– Может, стоило взять мотор? – неуверенно предложил Алекс, нарушая молчаливую идиллию.

– На мотор нужен наряд и веские причины. А мы так себе, катаемся, – беззаботно сообщила Мишель, вытягивая ладные ножки. Утверждение было спорным, но, с другой стороны, подобное занятие предоставляло шанс послушать очередную порцию откровений.

Алекс бросил весла и принялся разминать руки.

– Что тут за чудеса с погодой?

– Вполне рядовые чудеса. Всё есть в сети, – без всякого интереса откликнулась Мишель.

– Посмотрю, – пообещал Алекс. – Все-таки, в общих чертах, что с температурой?

Метеоролог вымученно вздохнула:

– Приземная инверсия. Снижает температуру примерно на семь градусов. – Мишель посмотрела на собеседника, понимает ли он сказанное.

Алекс с непроницаемым видом налег на весла.

– Во время всплесков наблюдается кратковременное снижение на три - четыре градуса, что сопровождается скоплением тумана.

– И что, все это близко к норме?

Мишель небрежно дернула щекой.

– Первое с натяжкой, но можно объяснить. Второе – пока не понятно. Если бы падало давление..., так оно стабильное. Так, что невольно подумашь на всплеск. Ты куда это разогнался? – Заговорившись, они проскочили буй. Алекс сунул весло в воду и развернул лодку.

Буй, как престарелый каторжник, скрипел ржавыми цепями. Рвался на свободу, не имея на те силы.

– Держи рядом, – распорядилась Мишель, разматывая тросик.

– Какая глубина? – поинтересовался Алекс, хватаясь за влажную скобу.

– Двенадцать метров. – Мишель скинула за борт цилиндр,

для забора проб.

– Не много. Так что мы делаем?

Метеоролог отметила касание дна и принялась выбирать снаряд:

– Головной институт старается обойтись без лишних людей. Посчитали, что подобная деятельность ближе метеорологу, – пояснила Мишель, укладывая пробу в сумку. – Но я не жалею. Хороший повод менять обстановку, причем с доплатой.

Возможность пусть и ненадолго сбежать с режимного объекта виделась бесценной. Завидна судьба людей способных устраиваться в любых условиях. И хотя не всегда такое умение идет на пользу, со стороны выглядит манной небесной. Алекс устраиваться не умел. Не выбирал легких путей и в халве не купался. Поэтому данный случай рассматривал как везение. Бельгийка могла свиснуть кого угодно, но выбрала его. И вот он здесь. Вкушает плоды малопонятного сотрудничества.

Мишель, тем временем, укладывала снасть, да посмеивалась. Казалось, она понимает чувства, охватившие помощника. И вообще, все понимает. Даже закралась мысль, что появление его здесь не случайно.

Алекс уныло стукнул стальной корпус. Буй недовольно откликнулся басом.

– Часто ты сюда выбираешься?

Мишель отложила багаж и сноровисто перебралась на

буй.

– Три раза в неделю. Идем!

Оказавшись на верхнем ярусе, Алекс очередной раз восхитился видом. В какой-то сотне метров море воевало с коралловой преградой, в бессильной ярости плюясь пеной.

– Разве полчаса в таком великолепии не стоят небольших усилий, – как-то по-мальчишески восхитилась Мишель.

Без всякого сомнения, стоило. В компании красоты, без посторонних глаз...

– Слушай, как здесь с ушами? – поинтересовался Алекс.

– Тут чувствительное оборудование, поэтому ничего лишнего, – успокоила Мишель.

– Значит, свобода?

– Вроде того, – усмехнулась Мишель. – В пределах получаса.

– Почему? – не понял Алекс. – А что потом?

– Потом возникнут вопросы.

Алекс оттащил лодку к пальме. Мишель уже накинула рубаху и шла к нему с сумкой. Каждому предстояло заняться собственными делами.

Мишель протянула руку.

– Спасибо за помощь.

Алекс бережно коснулся руки. Расставаться категорически не хотелось:

– Может помочь с пробами?

– Не стоит. – Мишель не отнимала руку, милостиво поз-

воля, насытится своим обществом. Алекс молчал, не зная, что сказать. Возможно, в том ещё не созрела необходимость. Наконец бельгийка мягко высвободилась и, махнув ручкой, легко побежала по бетонным ступенькам. Алекс смотрел во след. Все было хорошо, но чего-то не хватало. Очень хотелось, чтобы она обернулась. Так и случилось. Преодолев с десяток ступеней, Мишель оглянулась.

– Заходи, если будет желание...

Неторопливо застегнув рубашку, Алекс направился в лабораторию, рассуждая, для чего метеоролог сыплет двусмысленностями. Что это: способ вербовки новых адептов? Так, и старых, вроде, с избытком. Только помани. С другой стороны, красота, как стимул, вещь временная, словно удачная реклама. Захватывает, лезет в память, но так, же быстро надоедает. Дальнейшее внимание стоит серьезных усилий. Без сомнения, в бельгийке есть, нечто реликтовое. То, что манит, словно звездная бездна, без всяких намеков. Неужели в этом искреннее желание общаться, по-человечески и без всякого расчета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.